
ЭММА САЛЛИВАН
Любовь
может спасти.
Но иногда
она становится
самым опасным
оружием.
Корона
из Пепла
18+

Эмма Салливан
Корона из пепла

https://litres.ru/74706853
SelfPub; 2026

Аннотация

Семь великих домов веками хранили равновесие, разделив древнюю магию между реликвиями. Но король Ориан намерен разрушить этот порядок и собрать силу в одной короне — даже если цена окажется слишком высокой.

Капитан Сильварин Дракенхольд оказывается в центре борьбы, где каждый союз может обернуться предательством, а чувства — стать и слабостью, и единственной причиной не сдаться. Рядом с ней наследник Дариан, которому предстоит выбрать между кровью и совестью. Чтобы остановить короля, им придётся раскрыть тайны семи домов и решить, что важнее: власть, безопасность или право самим выбирать свою судьбу.

«Корона из пепла» — тёмное фэнтези о запретной любви, политических интригах, древней магии и цене выбора. Когда рушится одна корона, за закрытой дверью может пробудиться нечто гораздо более древнее.

Содержание

Глава первая. Чёрное ущелье 4
Глава вторая. Клятва под кожей 43
I. Под обломками 43
II. То, что король скрывал 48
III. Советник короля 55
IV. Первый замок 64
V. Тот, кто ждёт наверху 68
Глава третья. Наследник короны 75
Глава четвёртая. Кровь наследника 91
Глава пятая. То, что нельзя отречься 106
Глава шестая. Цена наследия 124
Глава седьмая. То, что осталось между нами 143
Конец ознакомительного фрагмента. 161

Эмма Салливан
Корона из пепла

Глава первая. Чёрное ущелье

Пепел падал третьи сутки.

Он ложился на камни, забивался под воротники, оседал на ресницах и превращал дыхание в мучительную борьбу с горьким привкусом. Ветер гнал его вдоль Чёрного ущелья, словно само небо пыталось стереть всё, что когда-либо происходило в этих местах.

Я ненавидела этот пепел.

Не потому, что он мешал дышать. Не потому, что скрывал следы и делал дорогу опасной. Я ненавидела его за то, что он напоминал мне о войне, которая официально ещё не началась, но уже успела забрать слишком многих.

— Капитан, — позвал Реннар, догоняя меня по узкой тропе. Он говорил сквозь поднятый воротник, но даже ветер не мог заглушить знакомое раздражение в его голосе. — Скажите мне, что вы хотя бы на этот раз собираетесь объяснить, куда мы, к чёрту, лезем.

Я не остановилась. Под сапогами хрустнула тонкая корка льда.

— Если бы я знала, куда именно мы лезем, сержант, —

отозвалась я с усталой насмешкой, — то, возможно, даже составила бы для вас подробную карту. С рисунками, подписями и указателями на все места, где нас могут убить.

— Прекрасно, — проворчал он, поравнявшись со мной. Он покачал головой, с досадой глядя на затянутое пеплом ущелье. — Значит, мы идём в проклятую дыру по приказу человека, которого никто из нас не видел, ищем отряд, от которого не осталось ни одного внятного донесения, и даже карты у нас нет. Скажите, капитан, что ещё должно случиться, чтобы вы признали: этот план безумен?

— Вы забыли упомянуть пепел, — сухо заметила я, бросив на него короткий взгляд. — Он придаёт нашей прогулке особое очарование.

— Удивительно, как вы умудряетесь шутить, когда всё вокруг кричит, что нам следует повернуть назад, — отозвался Реннар, не улыбнувшись. В его голосе впервые прозвучала не привычная насмешка, а плохо скрываемая тревога.

Это насторожило меня сильнее, чем его обычное ворчание.

За семь лет службы я привыкла к тому, что он спорит со мной при любой возможности. Он мог жаловаться на погоду, пищу, снаряжение и даже на то, как я затягивала ремни на перчатках. Но стоило опасности стать настоящей, как из него исчезал всякий юмор.

Сейчас он смотрел на ущелье так, словно видел впереди не скалы, а раскрытую могилу.

— Капитан, — произнёс он уже тише, стараясь не привлекать внимания остальных. Он помедлил, будто боялся, что следующие слова прозвучат слишком откровенно. — Мне не нравится это место. И, если честно, я впервые за долгое время не уверен, что смогу вытащить отсюда всех наших людей.

— Мне оно тоже не нравится, — ответила я, стараясь сохранить привычную невозмутимость. — Но, насколько мне известно, ущелья не обязаны вызывать у нас симпатию.

— Не отмахивайтесь от меня, Сильварин, — попросил он неожиданно серьёзно. Его взгляд метнулся к солдатам, а затем вернулся ко мне. — Вы ведь сами всё видите. Здесь даже птиц нет. Ни одной. А вчера на склоне мы нашли следы, которые обрывались посреди камня. Будто люди просто исчезли. Я не хочу однажды обнаружить, что мы стали следующими.

— Люди не исчезают, Реннар, — отрезала я.

Слова вырвались слишком быстро, слишком резко.

Сержант прищурился. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы услышать в моей уверенности трещину.

— Тогда объясните мне, капитан, куда они делись, — потребовал он, и в его голосе зазвучало раздражение человека, которому надоело получать приказы без ответов. — Не говорите, что не знаете. Вы что-то подозреваете. Я вижу это по вашему лицу.

Я не ответила.

Потому что именно этот вопрос не давал мне покоя с той

минуты, как я получила приказ.

Три дня назад в крепость Дракенхольдов прибыл королевский посыльный. Он был покрыт пеплом с головы до ног, а его лошадь рухнула прямо у ворот. До лекарей мужчина не дожил. Перед смертью он успел передать только запечатанный свиток и одно имя.

Моё.

Король Ориан Аурелион требовал, чтобы я немедленно отправилась в Чёрное ущелье и установила судьбу пропавшего отряда. В приказе не объяснялось, почему для этого выбрали именно меня. Не было ни перечня предполагаемых угроз, ни сведений о численности противника.

Только координаты, срок и короткая приписка:

Объект должен быть доставлен в столицу. Сопутствующие потери не имеют значения.

Внизу стояла подпись Дариана Вейрхальда.

Я до сих пор чувствовала, как внутри поднимается холодная ярость, стоило мне вспомнить эти строки.

Дариан всегда умел превращать чужую жизнь в удобную цифру на военной карте.

— Капитан! — окликнул меня один из разведчиков.

Я обернулась.

Молодой солдат стоял у выступа скалы, придерживая ладонь на рукояти меча. Его лицо побледнело, а взгляд метался между нами и узким проходом впереди.

— Что там? — спросила я, ускоряя шаг. — Докладывайте.

— Вам лучше посмотреть самой, капитан, — ответил он с заметным волнением. Он сглотнул и указал на выступ. — Я не знаю, что с этим делать.

Реннар тут же вытащил оружие.

— Мне уже начинает нравиться, как часто мы слышим эту фразу, — пробормотал он, мрачно оглядывая скалы. — Обычно после неё наша жизнь становится значительно хуже.

За выступом лежал королевский фургон.

Вернее, то, что от него осталось.

Деревянный корпус раскололся пополам, металлические обручи были вывернуты наружу, а колёса валялись в нескольких шагах от обрыва. Лошади исчезли. Не было ни тел, ни крови, ни следов борьбы.

Только пепел.

Он лежал внутри фургона ровным слоем, словно кто-то аккуратно засыпал им всё содержимое.

Я медленно приблизилась, стараясь не наступать на обломки.

— Никому ничего не трогать, — приказала я, подняв руку, чтобы остановить солдат, уже собиравшихся подойти ближе. — Разведчикам проверить склон. Остальным держать дистанцию. И, ради всех богов, если увидите хоть малейшее движение, сначала докладывайте, а уже потом геройствуйте.

— А если движение увидит нас первым? — спросил один из солдат. Он попытался усмехнуться, но нервно сжатые

пальцы выдавали его страх.

— Тогда я очень надеюсь, что вы умеете быстро бегать, — ответила я, стараясь придать голосу лёгкость. — Желательно быстрее, чем думаете.

На этот раз кто-то всё-таки коротко хмыкнул.

Нервный смех оборвался почти сразу.

Я опустилась на колено возле фургона и провела пальцами над краем расколотой доски. На древесине остались глубокие борозды. Не следы топора — слишком неровные, слишком глубокие. Казалось, кто-то пытался разорвать повозку голыми руками.

На внутренней стороне борта я заметила знак.

Три чёрные линии, пересечённые тонким кругом.

Я знала этот символ.

В детстве видела его на старых гравюрах, спрятанных в закрытом крыле библиотеки Дракенхольдов. Отец однажды поймал меня за изучением этих рисунков и так резко захлопнул книгу, что я испугалась сильнее, чем от самого изображения.

Он сказал тогда только одно:

Некоторые знаки не стоит произносить вслух, Сильварин.

Я никогда не спрашивала, почему.

Теперь мне хотелось вернуться в прошлое и заставить его объяснить всё до последнего слова.

— Капитан? — Реннар присел рядом. Он посмотрел на знак, затем на меня, и привычная насмешка медленно исчез-

ла с его лица. — Вы узнали его?

— Нет, — ответила я слишком поспешно и тут же заставила себя отвернуться от знака. Мне хотелось, чтобы Реннар поверил, но собственный голос предательски дрогнул на последнем слове.

— Тогда почему вы смотрите на него так, будто он только что назвал ваше имя? — Реннар нахмурился и подался ко мне, понизив голос. В его взгляде больше не было привычной насмешки — только настороженность и тревога человека, который слишком хорошо знал меня, чтобы поверить в столь очевидную ложь. — Капитан, я служу под вашим началом семь лет. Неужели вы думаете, что я не замечу, когда вас что-то по-настоящему пугает?

Я резко подняла на него глаза. На мгновение мне захотелось оборвать его, напомнить о субординации, заставить замолчать. Но я увидела, как напряжены его плечи, как он украдкой поглядывает на ущелье, и поняла: он не пытается бросить мне вызов. Он боится, что я веду нас туда, откуда никто не вернётся.

— Потому что я пытаюсь понять, кто оставил этот знак, — ответила я, стараясь придать голосу привычную твёрдость. — И предпочла бы, чтобы вы помогали мне искать ответы, а не изучали моё лицо, сержант.

— Как прикажете, капитан, — процедил он, явно задетый моей резкостью. Он отвёл взгляд, но почти сразу снова посмотрел на меня. — Только не требуйте от меня притворять-

ся слепым, когда я вижу, что вы что-то скрываете. Я не собираюсь молча вести людей за вами в ловушку, даже если вы прикажете.

Я стиснула зубы. Его настойчивость раздражала именно потому, что он попал в цель.

— И что-нибудь поняли? — спросил Реннар после короткой паузы. Теперь в его голосе звучало меньше вызова и больше тревожного ожидания. Он словно давал мне последний шанс сказать правду.

Я медленно выпрямилась и отряхнула перчатку, выигрывая несколько секунд.

— Да, — ответила я, заставляя себя посмотреть на разбитый фургон, а не на знак, который всё ещё стоял перед глазами. — Тот, кто это сделал, не хотел, чтобы мы нашли фургон.

Реннар недоверчиво оглядел искорёженные доски. Его брови поползли вверх, а на лице появилось выражение почти болезненного недоумения.

— Не хотел, чтобы мы нашли его? — переспросил он, и в голосе прорезалось раздражение. — Капитан, при всём уважении, он оставил обломки посреди дороги! Даже слепой заметил бы их с двадцати шагов. Если это попытка что-то скрыть, то у нашего неизвестного весьма своеобразное представление о скрытности.

— А если он и не пытался скрыть фургон? — возразила я, чувствуя, как неприятное предчувствие постепенно превращается в холодную уверенность.

Реннар замолчал. Улыбка исчезла с его лица, словно её никогда не было.

— Вы хотите сказать… — Он осёкся, бросив быстрый взгляд на ущелье. — Что он оставил его здесь специально? Чтобы мы нашли? — Последние слова он произнёс почти шёпотом, и я заметила, как сильнее сжались его пальцы на рукояти меча.

— Именно, — подтвердила я, не позволяя себе отвести взгляд.

— Прекрасно, — выдохнул Реннар с горькой усмешкой, в которой уже не осталось ни капли веселья. — Значит, нас не просто заманивают в проклятую дыру. Нас ещё и любезно приглашают следовать по заранее подготовленному маршруту. Скажите, капитан, есть хоть одна причина, по которой мы не можем развернуться прямо сейчас? Хоть одна, кроме вашего упрямства?

Я посмотрела на него. Мне хотелось ответить, что нет. Что любой разумный командир увёл бы людей отсюда, доложил королю и дождался подкрепления.

Но тогда я снова увидела бы перед собой подпись Дариана Вейрхальда.

И вспомнила бы слова приказа: «Сопутствующие потери не имеют значения».

— Если мы уйдём, — произнесла я, стараясь не выдать гнев, сдавивший горло, — тот, кто оставил здесь фургон, поймёт, что мы испугались. А я не собираюсь позволять ко-

му-то управлять моими решениями, даже если он заранее просчитал каждый наш шаг.

— Вы сейчас серьёзно? — Реннар резко выпрямился. На его лице вспыхнуло возмущение, но за ним проступило что-то гораздо более болезненное. — Вы готовы поставить на кон жизни всего отряда только потому, что не желаете признавать, что нас переиграли?

— Следите за тоном, сержант, — предупредила я, хотя сама услышала в собственном голосе больше усталости, чем угрозы.

— А вы следите за тем, куда ведёте людей! — вырвалось у него. Он тут же осёкся, словно сам испугался собственной дерзости, но отступать уже не стал. — Простите, капитан. Я не хотел говорить с вами так. Но я не могу делать вид, будто всё в порядке, когда каждый шаг здесь может стать последним.

Его слова задели меня сильнее, чем я хотела показать.

Реннар долго смотрел на меня. В его глазах боролись возмущение и верность, а с губ, казалось, уже готовилось сорваться очередное возражение.

— Вы когда-нибудь задумывались, капитан, что ваша неспособность отступать однажды погубит вас? — спросил он наконец. Голос его стал тише, но от этого вопрос прозвучал ещё болезненнее. — И что мне тогда прикажете делать? Возвращаться в крепость и объяснять вашим людям, почему я не сумел вас остановить? Как я должен смотреть им в гла-

за, если сам позволю вам шагнуть в бездну?

Я почувствовала укол вины, но позволить ему увидеть это не могла.

— Приказываю вам оставаться рядом и делать свою работу, сержант, — ответила я, уже мягче, хотя в голосе всё ещё звучала сталь. — А мою жизнь оставьте мне.

Реннар сжал челюсти и отвёл взгляд. На несколько мгновений мне показалось, что он снова начнёт спорить, но он лишь тяжело выдохнул.

— Как скажете, капитан, — произнёс он с вынужденным смирением. Затем снова посмотрел на фургон и добавил почти шёпотом: — Но если из этого ущелья мы выйдем не все, я хочу, чтобы вы знали: я предупреждал вас. И я не собираюсь терять ещё одного человека только потому, что он решил быть храбрее здравого смысла.

— Знаю, — тихо ответила я.

И на этот раз я не стала прятаться за сарказмом.

Потому что впервые за всё утро мне тоже хотелось развернуться и бежать.

Ветер на мгновение стих.

И тогда я услышала звук.

Тихий, почти неразличимый скрежет доносился из-за каменного выступа. Будто кто-то медленно проводил металлом по стене.

Я подняла руку, приказывая отряду замереть.

— Все назад, — прошептала я.

— Капитан? — Реннар мгновенно повернулся ко мне. Его рука легла на рукоять меча, а взгляд стал острым и собранным. — Что вы услышали?

— Назад. Сейчас, — повторила я, не отрывая глаз от скалы.

Мы отступили к узкому проходу. Я обнажила меч, чувствуя, как холодная рукоять привычно ложится в ладонь.

Скрежет повторился.

А затем из-за скалы показался человек.

Он шёл медленно, шатаясь, будто каждый шаг давался ему с невыносимым трудом. На нём оставались обрывки королевской формы. Лицо скрывал капюшон, а руки были опущены вдоль тела.

— Эй! — крикнул один из солдат, пытаясь придать голосу уверенность. — Стоять! Назовите себя!

Незнакомец не остановился.

— Я сказал, стоять! — повторил солдат громче, но голос предательски дрогнул. Он крепче сжал копьё, будто одно это движение могло защитить его от того, что приближалось.

Фигура подняла голову.

Под капюшоном не было лица.

Не шлем. Не маска.

Пустота.

Я почувствовала, как холод медленно поднимается по позвоночнику.

— Всем держать строй! — крикнула я, заставляя голос

звучать твёрдо, хотя сердце болезненно ударило о рёбра. — Не приближаться к нему без моего приказа!

Безликий остановился в нескольких шагах от нас.

Там, где должны были находиться глаза, дрогнуло что-то похожее на тень.

— Сильварин Дракенхольд, — произнёс он.

У меня похолодели пальцы на рукояти меча.

— Откуда ты знаешь моё имя? — потребовала я, стараясь скрыть тревогу за резкостью. — Отвечай!

— Тебя привели, — произнёс Безликий без малейшего колебания, будто речь шла о чём-то давно решённом.

— Кто? — Я шагнула вперёд прежде, чем успела себя остановить. Гнев оказался сильнее осторожности. — Кто посмел втянуть меня в это и отправить моих людей в ущелье?

— Те, кто поклялся.

— Что ещё за клятва? — потребовала я, и голос сорвался от нетерпения. — Не смей бросать мне загадки вместо ответов!

Реннар шагнул вперёд, закрывая меня плечом. Его меч уже был направлен на Безликого, а в напряжённой линии челюсти читалась готовность броситься в атаку, даже если это будет последним, что он сделает.

— Ещё одно слово, тварь, — прорычал он, и голос его зазвучал так низко, что солдаты невольно отступили, — и клянусь, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще открыл рот!

— Реннар, назад! — рявкнула я, резко схватив его за плечо. — Немедленно! Не смей приближаться к нему!

Он дёрнулся от моего прикосновения, но не отступил. Его взгляд оставался прикован к Безликому, а рука на рукояти меча побелела от напряжения.

— Капитан, позвольте мне хотя бы оттеснить эту тварь от вас! — выговорил он сквозь стиснутые зубы. — Я не собираюсь стоять и смотреть, как оно угрожает вам!

— Ты не знаешь, на что способен этот противник! — отрезала я, чувствуя, как страх за Реннара смешивается с яростью. — Я не потерплю, чтобы ты погиб из-за собственного безрассудства!

— А я не потерплю, чтобы с вами что-то случилось, пока я ещё могу это предотвратить! — вспыхнул он. На мгновение наши взгляды встретились, и я увидела в его глазах не неповиновение, а отчаянную решимость человека, который не собирается отступать, когда мне грозит опасность.

— Это приказ, сержант! — процедила я, сжимая его плечо сильнее. — Отступи. Сейчас же!

Реннар стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Он явно хотел возразить, но, наконец, медленно отступил на полшага, не опуская меча.

Безликий повернул пустое лицо к нему.

— Верный пёс, — произнёс он с почти человеческим любопытством. — Даже теперь ты готов умереть за того, кто отправит тебя на смерть.

— Закрой рот, — процедил Реннар, и рука его дрогнула на рукояти меча. — Ты понятия не имеешь, за кого я готов умереть. И уж точно не тебе решать, кому я должен быть верен.

— Довольно! — оборвала я их, хотя сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался болью в груди. — Ты назвал меня по имени. Значит, тебе что-то нужно. Говори. Сейчас же.

Безликий склонил голову.

— Тебе следует увидеть то, что спрятано под камнем.

— И почему я должна тебе верить? — спросила я с презрением, которое должно было скрыть нарастающий страх. — Ты появляешься из ниоткуда, знаешь моё имя и говоришь загадками. Дай мне хоть одну причину не считать тебя врагом.

— Не должна, — ответил он.

Ответ прозвучал так спокойно, что мне стало ещё страшнее.

Он повернулся и направился к расщелине между скалами.

— Если вы последуете за мной, — произнёс он через плечо, — узнаете, почему наследники семи домов боятся одного приказа.

Я не двинулась с места.

— А если не последуем? — бросила я ему вслед. — Если я решу, что мне надоело играть по чужим правилам?

Безликий остановился.

— Тогда следующий отряд найдёт здесь уже вас.

Он исчез за скалой.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Потом Реннар шумно выдохнул, словно только сейчас вспомнил, что всё ещё жив.

— Нет, — заявил он с такой решимостью, будто собирался объявить войну самому королю. — Нет, капитан. Даже не думайте. Я не пойду за безликой тварью в дыру посреди проклятого ущелья только потому, что она знает ваше имя. Я не позволю вам втянуть нас в это безумие.

— Я не просила вас голосовать, — холодно ответила я, хотя его возмущение невольно отозвалось во мне.

— А я не голосую! — возмутился он, и его голос сорвался на хрип. — Я пытаюсь объяснить вам, что это ловушка. Вы ведь тоже это понимаете! Скажите хоть раз, что понимаете, капитан!

— Разумеется, — ответила я, не отводя взгляда от расщелины.

— Тогда почему вы уже идёте туда?! — Он всплеснул рукой, и в его голосе прорвалось настоящее отчаяние. — Почему каждый раз, когда есть шанс сохранить себе жизнь, вы выбираете самый опасный путь?!

Я остановилась и посмотрела на него.

В его глазах была такая откровенная тревога, что на мгновение мне захотелось сказать правду. Признаться, что я тоже боюсь. Что знак на фургоне не даёт мне покоя. Что подпись

Дариана под приказом выглядит теперь не просто оскорблением, а частью чего-то куда более опасного.

Но капитан не имеет права перекладывать свой страх на солдат.

— Потому что, если мы уйдём, Реннар, — тихо ответила я, — мы никогда не узнаем, что здесь произошло. А если это угрожает нашим землям, я не собираюсь ждать, пока оно придёт к нашим воротам.

Он отвёл взгляд, сердито втянул воздух и выругался себе под нос.

— Ненавижу, когда вы говорите разумные вещи в самый неподходящий момент, — проворчал он с горечью. — Особенно когда они всё равно заканчиваются тем, что я иду за вами в очередную бездну.

— Взаимно, — отозвалась я, позволив себе короткую, усталую усмешку.

Я повернулась к отряду.

— Двое остаются у фургона. Остальные идут за мной. Оружие наготове, дистанцию сохранять. Если увидите что-то подозрительное — докладывать немедленно. Никто не геройствует без моего приказа. Это понятно?

— Так точно, капитан! — ответили солдаты, стараясь, чтобы голоса звучали увереннее, чем они себя чувствовали.

Я задержала взгляд на Реннаре.

— И ещё кое-что.

Он посмотрел на меня с выражением человека, который

заранее ненавидит всё, что сейчас услышит.

— Только не говорите, что вы собираетесь идти первой, — попросил он, и в его голосе прозвучала слабая, почти обречённая надежда.

— Я собираюсь идти первой, — ответила я без колебаний.

— Конечно, — сквозь зубы выдохнул он. — А я, видимо, для красоты здесь стою. Или для того, чтобы потом объяснять вашим родственникам, почему вы решили лично познакомиться со всеми проклятиями Эйрдаля.

— Вы стоите здесь, чтобы не дать остальным сделать какую-нибудь глупость, — сказала я, едва сдерживая улыбку.

— То есть всё-таки для красоты, — пробормотал он, но уже без прежней злости. — Ладно. Только если нас попытаются убить, я первым делом напомню вам об этом разговоре.

Я позволила себе короткую улыбку.

Она исчезла, как только мы вошли в расщелину.

Проход оказался глубже, чем казалось снаружи.

Каменные стены постепенно смыкались над головой, а свет, проникавший с поверхности, быстро слабел. Вскоре впереди остались только узкие полосы тусклого сияния, исходившие от странных прожилок в породе.

Я никогда не видела ничего подобного.

Они мерцали под камнем, словно в его толще медленно двигались крошечные звёзды.

— Это магия? — прошептал один из солдат. Он протянул руку к светящейся прожилке, но тут же отдёрнул её, испу-

гавшись собственного любопытства.

— Не трогайте, — резко предупредила я. — Нам ещё не хватало выяснять, что здесь умеет убивать прикосновением.

— Если бы я знала, что это, — добавила я, стараясь разрядить напряжение, — то уже сказала бы вам, чем именно оно собирается нас убить.

— Очень обнадёживает, капитан, — пробормотал Реннар, нервно оглядывая стены. — В следующий раз, когда вы захотите меня успокоить, просто скажите, что мы все обречены. Это будет честнее.

Я хотела ответить, но в этот момент проход закончился.

Перед нами открылся огромный подземный зал.

Семь каменных колонн поднимались к сводчатому потолку. На каждой был высечен герб одного из великих домов Эйрдаля. Дракон Дракенхольдов. Чёрный волк Вейрхальдов. Древо Эльдрасилей. Серебряный лист Сильваноров. Полумесяц Ноктевалей. Солнце Аурелионов. И раскрытая ладонь Морвейнов.

Я узнала каждый знак.

Но не могла понять, почему они оказались здесь.

В центре зала стоял Безликий.

Он ждал нас.

— Что это за место? — спросила я, стараясь скрыть тревогу за холодной требовательностью.

— Место первой клятвы, — ответил он, и его голос отразился от колонн, словно в зале находился кто-то ещё.

— Какой клятвы? — потребовала я, делая шаг вперёд. — И не вздумай снова отвечать загадками.

— Той, что позволила вашим домам получить власть.

Реннар тихо выругался.

— Капитан, — прошептал он, нервно оглядывая колонны, — мне совершенно не нравится, куда ведёт этот разговор. Я бы предпочёл, чтобы власть наших домов оставалась их проблемой, а не древней ловушкой под проклятым ущельем.

— Мне тоже, — ответила я, не отрывая взгляда от Безликого. — Но я хочу услышать продолжение.

Безликий поднял руку.

На колоннах вспыхнули символы.

Сначала знак Дракенхольдов. Затем остальные шесть.

Свет соединился тонкими линиями, образовав круг под нашими ногами.

Я почувствовала, как воздух стал плотным.

— Семь домов, — произнёс Безликий. — Семь наследников. Семь свидетелей. Семь клятв, скреплённых чужой кровью.

— Ложь! — резко возразила я, чувствуя, как внутри вспыхивает ярость. — Наши дома заключили союз задолго до основания королевства. Не смей переписывать нашу историю только потому, что мы не можем проверить твои слова!

— Так написано в ваших хрониках, — ответил он безразлично.

— И это правда, — отрезала я. — У нас есть документы,

свидетельства, родовые записи.

— Тогда почему ни одна хроника не упоминает о том, что находилось под этим ущельем?

Я открыла рот, но не нашла ответа.

Безликий повернулся ко мне.

— Ты пришла сюда по приказу.

— Да, — ответила я настороженно. — И если ты знаешь о нём, то говори прямо: какое отношение он имеет к этому месту?

— Покажи его.

Я медленно достала свиток из внутреннего кармана плаща.

Реннар тут же шагнул ближе.

— Капитан, не отдавайте ему приказ, — предостерёг он, тревожно поглядывая на Безликого. — Мы не знаем, что он собирается сделать. Вы даже не знаете, кто он такой!

— Я не собираюсь ему ничего отдавать, — ответила я, стараясь, чтобы голос не выдал растущего беспокойства. — Просто хочу понять, зачем ему понадобился именно этот документ.

Я развернула свиток.

Печать короля была целой. Под ней стояла подпись Дариана Вейрхальда — резкая, уверенная, с характерным росчерком на последней букве.

Безликий наклонился над приказом.

И впервые за всё время его голос изменился.

— Он подписал это.

— Да, — ответила я, пристально следя за его движениями. — Дариан Вейрхальд подписал приказ. Что в этом такого?

— Дариан Вейрхальд, — повторил Безликий, и в этих словах прозвучало нечто похожее на старую ненависть.

— Ты знаешь его? — потребовала я. — Откуда? Что между вами произошло?

Безликий не ответил.

Он провёл пальцами над подписью, не касаясь бумаги.

Чернила потемнели.

Я резко отдёрнула руку.

— Что ты делаешь?! — выкрикнула я, пытаясь отнять свиток, но чёрные линии уже расползались по пергаменту.

— Показываю тебе правду, — ответил он.

По приказу поползли тонкие чёрные линии. Они расходились от подписи, словно корни, проникающие в ткань бумаги. Затем проступили слова, которых прежде не было.

Приказ исполнен. Семь свидетелей принесли клятву.

У меня перехватило дыхание.

— Это невозможно, — выдавила я, всматриваясь в строки. — Приказ был запечатан в королевской канцелярии. Я лично проверила печать, прежде чем покинуть крепость.

— Ты веришь печатям больше, чем собственным глазам? — спросил Безликий с пугающим спокойствием.

— Я верю тому, что могу проверить, — огрызнулась я, стараясь не показывать, как дрожат пальцы. — И пока всё,

что я вижу, — это попытка заставить меня поверить в какую-то древнюю ложь.

— Тогда проверь, — бросил он.

Я снова посмотрела на подпись.

Она не изменилась.

Но теперь рядом с ней проступил ещё один знак: три чёрные линии, пересечённые тонким кругом.

Тот самый символ с разбитого фургона.

— Что это означает? — спросила я, чувствуя, как гнев постепенно вытесняет страх. — И какое отношение к этому имеет Дариан? Говори!

Безликий медленно повернул голову.

— Спроси его.

— Я спрашиваю тебя! — сорвалась я, сжимая свиток так крепко, что пергамент смялся под пальцами.

— А я отвечаю.

— Ты издеваешься надо мной? — выкрикнула я. — Ты заставляешь меня идти за тобой, показываешь поддельные строки и отказываешься объяснять, что происходит! Хватит!

В моём голосе прорвалась ярость. Я устала от загадок, от чужих недомолвок и от ощущения, что все вокруг знают правила игры, в которую меня втянули, кроме меня самой.

Безликий приблизился.

Реннар мгновенно поднял меч.

— Ещё шаг, и я отрублю тебе голову! — рявкнул он, встав передо мной. — Я не знаю, что ты такое, но к капитану ты

больше не подойдёшь!

— У него нет головы, Реннар, — бросила я, хотя сама едва удерживалась от желания отступить.

— Тогда найду, что отрубить! — огрызнулся он, не сводя оружия с противника. — И, поверьте, капитан, я с удовольствием выясню, сколько частей у этой твари можно отсечь!

Безликий остановился.

— Передай Дариану Вейрхальду, что первый замок открыт.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Какой замок? — потребовала я, делая шаг к нему. — Что ты открыл? Что ты собираешься сделать?

— Первый из семи.

— Что произойдёт, когда откроются остальные? — Я уже не пыталась скрыть страх за холодностью. — Отвечай! Что случится с моим домом?

— Корона вспомнит, кому принадлежит.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь! — выкрикнула я, чувствуя, как отчаяние сдавливает горло. — Ты не можешь бросить такую фразу и исчезнуть! Что за корона? Кому она принадлежит?

— Пока нет, — ответил Безликий.

Его фигура начала растворяться в темноте.

Я рванулась вперёд, не желая позволить ему исчезнуть прежде, чем получу ответы.

— Стой! Ты не можешь просто уйти! — крикнула я, про-

тягивая руку к его исчезающему силуэту. — Я ещё не закончила!

Мой сапог ударился о что-то металлическое.

Я опустила взгляд.

На каменном полу лежал перстень.

Золотой обод был испещрён мелкими знаками, а в центре темнел камень, похожий на застывшую каплю крови.

Я узнала его сразу.

Королевский перстень Ориана Аурелиона.

Тот самый, который король носил на каждом официальном заседании. Тот самый, без которого ни один его приказ не имел полной силы.

Я медленно наклонилась и подняла украшение.

Камень оказался ледяным.

— Капитан, не трогайте его! — крикнул Реннар. Он бросился ко мне, протянув руку, но остановился слишком поздно. — Сильварин, отложите его! Немедленно!

Перстень вспыхнул.

Боль пронзила ладонь так резко, что я едва не выронила его. Чёрные линии побежали по коже, оплетая запястье тонкой сеткой.

Я попыталась разжать пальцы.

Не смогла.

— Сильварин! — Реннар бросился ко мне, схватил за предплечье и с отчаянием попытался отнять мою руку от украшения. — Посмотрите на меня! Капитан, слышите ме-

ня?! Скажите хоть что-нибудь!

— Отпусти! — выдохнула я, пытаясь вырваться. — Реннар, немедленно отпусти!

— Я не собираюсь отпускать вас, пока эта дрянь не перестанет жечь вам руку! — рявкнул он, и в его голосе прозвучал настоящий страх. — Чёрт побери, Сильварин, не смейте сейчас отключаться! Вы слышите меня? Не смейте!

Он впервые назвал меня по имени.

Я хотела ответить, но боль стала такой сильной, что слова рассыпались на бессмысленные звуки.

На перстне загорелись семь символов.

Один за другим они вспыхивали золотым светом, и каждый удар сердца отзывался новой вспышкой.

Затем шесть символов погасли.

Остался только один.

Знак Дракенхольдов.

— Нет, — прошептала я.

Слово вырвалось само собой. Я не знала, кому оно было адресовано: перстню, Безликому или чему-то, что уже пробуждалось внутри каменных стен.

— Нет, нет, нет… — Реннар почти сорвался на крик, увидев чёрные линии на моей руке. — Кто-нибудь, помогите ей! Немедленно! Вы что, ослепли?!

Но никто не успел сделать ни шага.

Из прохода донёсся звук сапог.

Чёткий. Размеренный. Уверенный.

Я узнала эту поступь раньше, чем увидела его самого.

Дариан Вейрхальд вошёл в зал в сопровождении королевских солдат.

Его чёрный плащ был покрыт пеплом, волосы растрепались от ветра, а лицо казалось непривычно бледным. Но даже здесь, среди древних колонн и мерцающей магии, он сохранял ту пугающую собранность, которая всегда выводила меня из себя.

Его взгляд скользнул по залу, остановился на перстне в моей руке — и впервые за всё время нашего знакомства я увидела, как с его лица исчезла всякая уверенность.

— Сильварин, — произнёс он хрипло. В его голосе прозвучала такая тревога, что я невольно напряглась. — Скажи мне, что ты не прикасалась к нему. Пожалуйста.

Я посмотрела на него с такой ненавистью, что сама удивилась её силе.

— Какое трогательное беспокойство, Вейрхальд, — процедила я, с трудом удерживая дрожь в голосе. — Ты приехал проверить, насколько успешно исполняется твой приказ? Или решил лично убедиться, что чужие жизни действительно ничего не стоят?

Дариан стиснул челюсти.

— Не сейчас, — отрезал он, но его взгляд снова метнулся к перстню. — Ради всех богов, только не сейчас.

— Именно сейчас! — Я попыталась поднять руку, но перстень снова обжёг ладонь, заставив меня болезненно втянуть

воздух. — Твоя подпись стояла под приказом, который привёл меня сюда! В этом ущелье исчезают люди, а Безликий утверждает, что ты знаешь о происходящем гораздо больше, чем говоришь. Так что, будь добр, объясни мне, какого чёрта здесь происходит!

— Ты ничего не понимаешь, — ответил он резко, и в его голосе прорвалось раздражение, за которым я услышала нечто куда более опасное — страх. — Ты даже не представляешь, во что ввязалась.

— Тогда объясни! — потребовала я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Или тебе легче снова спрятаться за своими приказами?

— Я не могу, — выдавил он, отводя взгляд.

Я рассмеялась. Коротко, зло, почти болезненно.

— Конечно. Ты никогда ничего не можешь, когда речь заходит о последствиях твоих решений. Зато прекрасно умеешь подписывать приказы, отправляющие людей на смерть.

Дариан шагнул ко мне.

— Ты думаешь, я не знаю, что написано в этом приказе? — спросил он, и на последнем слове его голос дрогнул от сдерживаемого гнева.

— Думаю, тебе совершенно безразлично, кто пострадает, пока королевство получает желаемое, — выплюнула я, не отступая ни на шаг.

— Ты ошибаешься, — резко ответил он.

— Тогда докажи! — Я подняла подбородок, хотя боль в

руке заставляла меня едва заметно дрожать. — Хватит требовать доверия, которого ты не заслужил!

Он остановился в шаге от меня.

На мгновение мне показалось, что он действительно собирается сказать правду. Его взгляд задержался на моём лице, затем опустился к руке, сжатой вокруг перстня. В его глазах мелькнуло что-то болезненное, почти отчаянное.

Но он снова спрятал это за привычной холодностью.

— Отдай мне перстень, Сильварин, — произнёс он тихо, с такой напряжённой настойчивостью, что это прозвучало почти как мольба.

— Нет, — отрезала я, крепче сжимая украшение, несмотря на боль.

— Я не прошу тебя, — предупредил он, и в его голосе снова проступила сталь.

— А я не подчиняюсь тебе, — бросила я, глядя ему прямо в глаза.

— Ради всех богов, — процедил он, и в его голосе впервые зазвучало не высокомерие, а плохо сдерживаемая паника. — Ты хоть понимаешь, что держишь в руке? Ты хоть понимаешь, что оно может сделать с тобой?

— Королевскую безделушку, которая решила сжечь меня заживо, — огрызнулась я, с трудом переводя дыхание. — Если у тебя есть более точное определение, я с удовольствием выслушаю.

Дариан резко протянул руку, но остановился, едва не кос-

нувшись моей ладони.

Его пальцы дрогнули.

Я заметила это.

И впервые задумалась: чего именно он боится?

Меня?

Перстня?

Или того, что произойдёт, если я продолжу держать его?

— Не трогай её, — потребовал Реннар, вставая между нами. Его лицо побледнело, но он смотрел на Дариана с яростью человека, которому больше нечего терять. — Я не знаю, что вы здесь затеяли, милорд, но если из-за вас капитан пострадает, клянусь, я заставлю вас ответить!

— Реннар, — оборвала я его, с трудом удерживая голос от дрожи. — Отойди.

— Капитан, я не могу, — выдохнул он, бросив на меня беспомощный взгляд. — Посмотрите на себя. Вы едва стоите на ногах, а он даже не объясняет, что происходит!

— Это приказ, — произнесла я твёрже, чем чувствовала себя на самом деле.

Он посмотрел на меня с отчаянием.

— Вы не обязаны защищать его даже сейчас, — прошептал он, и в этих словах было столько боли, что мне захотелось отвернуться. — Не после всего, что он сделал. Не после того, как он отправил нас сюда, даже не предупредив, что нас может ждать.

— Я защищаю не его, — ответила я, стараясь говорить

спокойно, хотя сама едва держалась на ногах. — Я пытаюсь понять, что происходит. И если он знает ответы, я их получу.

Реннар нехотя отступил, но остался рядом, готовый в любой момент снова броситься вперёд.

Дариан смотрел на меня так, словно хотел сказать что-то важное и не мог заставить себя произнести ни слова.

— Сильварин, послушай меня, — наконец выговорил он. Его голос стал тише, и эта неожиданная мягкость насторожила меня сильнее любого приказа. — Что бы ты ни увидела здесь, не делай поспешных выводов. Не доверяй ни королю, ни мне. И особенно не доверяй тому, кто предложит тебе простое объяснение.

— Удивительно, — прошептала я, чувствуя, как злость смешивается с растерянностью. — Ты просишь меня не доверять тебе, одновременно требуя отдать перстень. Ты хоть слышишь себя? Или ты решил, что достаточно произнести несколько загадочных фраз, чтобы я забыла обо всём остальном?

— Слышу, — ответил он глухо. — И ненавижу каждое слово, которое вынужден говорить.

— Тогда перестань говорить загадками! — Я шагнула к нему, несмотря на боль. — Я не твоя подчинённая, Дариан! Я не обязана исполнять твои приказы, не задавая вопросов!

Он сжал кулаки.

— Я пытаюсь сохранить тебе жизнь! — сорвался он, и в его голосе прозвучала отчаянная мольба, которую он уже не

успевал скрыть.

— От чего? От твоего собственного приказа? — Я горько усмехнулась, чувствуя, как к горлу подступает ярость. — Или ты наконец готов признать, что именно ты привёл меня сюда?

— От того, что начнётся, если ты продолжишь сопротивляться! — крикнул он.

Его голос сорвался на последнем слове. На мгновение в нём исчез командующий, исчез наследник великого дома. Передо мной стоял человек, который видел приближение катастрофы и не знал, как её остановить.

Это испугало меня.

Но я не позволила себе отступить.

— Ты опоздал, Дариан, — тихо сказала я. — Катастрофа уже здесь.

Он побледнел ещё сильнее.

— Нет. Пока нет, — ответил он с такой обречённостью, что у меня внутри всё сжалось.

— Тогда почему ты смотришь на меня так, будто я уже мертва? — спросила я, и впервые за весь разговор мой голос выдал настоящий страх.

Дариан не ответил.

Его молчание оказалось страшнее любых слов.

Я почувствовала, как перстень снова нагревается. Чёрные линии на моей руке потянулись вверх, к локтю. Реннар выругался и схватил меня за плечо, удерживая, когда ноги на-

чали подкашиваться.

— Сильварин, держитесь! — крикнул он, и теперь в его голосе не осталось ничего, кроме неподдельного ужаса. — Слышите меня? Вы не имеете права падать здесь! Не после того, как заставили нас тащиться через половину проклятого ущелья! Вы слышите меня, капитан? Не смейте бросать нас сейчас!

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

— Какая трогательная… преданность, — выдохнула я, стараясь не показать, насколько мне страшно.

— Заткнитесь и дышите! — рявкнул Реннар, почти срываясь на крик. — Вы можете издеваться надо мной сколько угодно, но только не вздумайте умирать у меня на глазах! Я не позволю вам так просто от меня отделаться!

Дариан резко повернулся к своим солдатам.

— Отойдите от колонн! Всем немедленно покинуть зал! — приказал он, и в его голосе прозвучала такая властная ярость, что даже самые опытные воины невольно замерли.

— Милорд, что происходит? — спросил один из воинов. Он попытался сохранить военную выправку, но паника уже пробивалась сквозь его слова. — Мы должны вывести вас отсюда?

— Я сказал, отойти! — Дариан сорвался на крик. — Это не просьба! Если хотите дожить до утра, выполняйте приказ!

Солдаты поспешили к проходу.

Но было поздно.

Колонны вспыхнули одновременно.

Свет ударил по глазам. Камень под ногами задрожал, а из глубины ущелья донёсся низкий гул, от которого заложило уши. Пепел посыпался со свода густым чёрным снегом.

Я посмотрела на перстень.

Символ Дракенхольдов горел ослепительно ярко.

— Дариан… — прошептала я, сама не понимая, почему обращаюсь именно к нему. В этом имени была просьба, которую я не хотела произносить вслух.

Он оказался рядом быстрее, чем я успела моргнуть. Его рука сомкнулась на моём запястье, но он тут же отдёрнул её, словно прикосновение причинило ему боль.

На его коже проступила чёрная линия.

Такая же, как на приказе.

Я уставилась на неё, не веря собственным глазам.

— Что это? — спросила я, и голос прозвучал почти беспомощно. — Дариан, что ты от меня скрываешь? Неужели ты сам связан с этой проклятой магией?

Он посмотрел на собственное запястье, потом на меня.

В его глазах было столько отчаяния, что на секунду я забыла обо всей ненависти, которую копила годами.

— Я пытался не допустить этого, — выдохнул он. — Клянусь тебе, Сильварин, я пытался. Я сделал всё, что мог.

— Что именно ты пытался остановить?! — выкрикнула я, пытаясь вырвать руку, но он удержал меня.

Дариан крепко сжал мою руку, не обращая внимания на

собственную метку.

— Тебя, — произнёс он, и в этом коротком слове прозвучало отчаяние, от которого мне стало страшнее, чем от чёрного света.

Слово ударило сильнее, чем боль от перстня.

Я попыталась вырваться.

— Отпусти меня!

— Нет! — рявкнул он, не ослабляя хватки.

— Дариан, отпусти! — Я дёрнулась снова, чувствуя, как злость борется с паникой. — Ты не имеешь права удерживать меня!

— Не заставляй меня выбирать между тобой и королевством! — крикнул он, и в его голосе впервые прозвучала такая отчаянная ярость, что даже Реннар замер. — Ты не понимаешь, что они сделают, если ты завершишь клятву!

— Какую клятву?! Я ничего не клялась! — выкрикнула я, пытаясь заглушить нарастающий гул. — Ты слышишь меня? Я ничего не обещала ни тебе, ни королю, ни тем, кто прячется в этих камнях!

— Именно поэтому у нас ещё есть шанс! — ответил он, и его голос дрогнул от отчаянной надежды.

Он говорил так, словно каждое слово давалось ему через силу. Я видела, как напряжены его плечи, как дрожат пальцы, которыми он удерживал меня. Он не пытался причинить мне боль. Он боялся, что я исчезну прямо у него на глазах.

И это злило меня ещё сильнее.

Потому что я не понимала, почему ему не всё равно.

— Ты должен был сказать мне правду, — прошептала я, глядя ему прямо в глаза. — Ты должен был дать мне возможность самой решить, во что ввязываться.

Дариан посмотрел на меня.

— Я знаю, — ответил он тихо, и в его голосе не осталось ни привычной холодности, ни попытки оправдаться.

В этих двух словах не было оправдания. Не было привычного высокомерия, за которым он прятался при каждом столкновении со мной.

Только вина.

И от этой вины мне стало холоднее, чем от пепла за стенами ущелья.

Перстень вспыхнул в последний раз.

Боль пронзила руку, и я вскрикнула, не сумев сдержаться. Дариан рванулся ко мне, но между нами ударила волна чёрного света.

Его отбросило к колонне.

— Дариан! — крикнул Реннар, инстинктивно бросаясь вперёд, но тут же остановился, когда камень под его сапогами раскололся. — Чёрт побери! Милорд, вы живы?!

Я упала на колени.

Перстень наконец разжал свои невидимые тиски. Он выскользнул из моей ладони и ударился о пол.

На мгновение наступила тишина.

Я тяжело дышала, глядя на собственную руку. Чёрные ли-

нии исчезли, но на запястье остался тонкий золотой знак — герб Дракенхольдов, заключённый в круг.

Дариан поднялся, опираясь на колонну.

Он увидел знак.

И закрыл глаза.

— Нет, — прошептал он, словно сам не верил тому, что увидел.

В этом коротком слове было столько боли, что я невольно подняла голову.

— Что значит этот знак? — спросила я, чувствуя, как страх снова пробирается под кожу. — Дариан, посмотри на меня. Что он сделал со мной?

Он медленно открыл глаза.

— Это значит, что они выбрали тебя, — ответил он, и голос его прозвучал так, словно каждое слово причиняло ему боль.

— Кто? — потребовала я. — Кто выбрал меня? И почему ты говоришь так, будто давно этого ждал?

Дариан посмотрел на семь колонн.

— Те, кто создал королевство.

— Королевство создали семь великих домов, — резко возразила я. — Не смей говорить мне, что вся моя жизнь построена на лжи!

— Так тебе рассказывали, — ответил он устало, и эта усталость разозлила меня сильнее прямого оскорбления.

— А ты собираешься наконец объяснить, что произошло

на самом деле?! — Я попыталась подняться, но колени дрогнули. — Или снова решишь за меня, что мне позволено знать?

Он шагнул ко мне, но остановился, заметив, как я напряглась.

— Не здесь, — произнёс он с мрачной решимостью. — Если я расскажу тебе всё здесь, мы не выберемся из ущелья.

— Ты опять решаешь за меня, — прошептала я, и в моём голосе прозвучала горечь. — Ты даже сейчас не понимаешь, что именно меня бесит в тебе больше всего.

— Да, — ответил он, и его голос неожиданно смягчился. — И если для того, чтобы ты осталась жива, мне придётся стать для тебя самым ненавистным человеком в Эйрдале, я это сделаю.

Я смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается его жестокость и начинается страх.

— Не смей решать, кем мне тебя считать, Дариан, — сказала я тихо, но твёрдо. — Я сама решу, что ты заслуживаешь. И не думай, что страх за меня всё исправит.

Он едва заметно вздрогнул.

— Тогда реши сама, — ответил он с горькой покорностью. — Но сначала выберись отсюда живой.

За его спиной раздался скрежет.

Мы одновременно обернулись.

В глубине зала, между шестой и седьмой колоннами, возникла фигура Безликого. Теперь его тело было окутано чёр-

ным пламенем, которое не давало света и не отбрасывало тени.

Он поднял пустое лицо.

— Первый замок открыт, — произнёс он.

Камень под ногами раскололся.

— Осталось шесть, — добавил Безликий, и его голос прокатился по залу, словно приговор.

Я услышала, как Реннар выкрикнул моё имя. Дариан бросился ко мне, протягивая руку. Я успела схватиться за его запястье, прежде чем пол провалился.

На одно короткое мгновение наши взгляды встретились.

В его глазах не было ни ненависти, ни высокомерия.

Только ужас.

И что-то ещё, чему я не хотела давать название.

Затем тьма поглотила зал.

А последнее, что я услышала перед тем, как мир исчез под моими ногами, был голос Дариана:

— Сильварин, что бы ни случилось, не позволяй королю завершить ритуал!

И голос Безликого, прозвучавший отовсюду сразу:

— Поздно, наследница. Корона уже выбрала свою жертву.

Глава вторая. Клятва под кожей

I. Под обломками

Первое, что я почувствовала, была боль.

Она пронзила плечо и разлилась по руке, когда я ударилась о холодный камень. Воздух вырвался из лёгких. Над головой осыпалась порода, а под ногами дрожал пол, словно древнее сооружение всё ещё пыталось завершить начатое разрушение.

Я лежала на боку, прижавшись щекой к каменной плите, и несколько секунд не могла заставить себя пошевелиться.

Потом вспомнила голос Дариана.

«Не позволяй королю завершить ритуал!»

Я резко поднялась на локте. Боль полоснула по рёбрам, но я заставила себя вдохнуть.

— Сержант Реннар! — крикнула я, всматриваясь в темноту. Паника уже подбиралась к горлу, и мне пришлось почти силой заставить себя говорить громче. — Реннар, ответьте! Немедленно!

Тишина.

Я поднялась на ноги, пошатнулась и ухватилась за стену. Вокруг тянулся узкий проход, освещённый золотистыми трещинами. Их свет пульсировал в камне, отбрасывая на сте-

ны длинные тени.

— Если вы сейчас скажете, что всё под контролем, — донеслось справа, — я попрошу перевести меня в конюшню. Лошади хотя бы не обрушивают на меня древние проклятые залы! — проворчал Реннар с такой обидой, словно разрушение потолка было личным оскорблением.

Я обернулась так резко, что боль вспыхнула в плече.

Реннар лежал у стены, прижимая ладонь к рёбрам. На лбу темнела ссадина, волосы были покрыты каменной пылью, но он смотрел на меня с таким привычным раздражением, будто мы находились на очередном военном совете, а не под руинами древнего святилища.

Облегчение оказалось почти болезненным.

— А я уже собиралась сообщить вашему семейству, что вы погибли с невероятно глупым выражением лица, — выдохнула я, опускаясь рядом. На губах невольно появилась улыбка, хотя руки всё ещё дрожали от пережитого страха. — Хорошо, что вы очнулись и можете испортить мне этот красивый некролог.

— Ваше участие трогает меня до глубины души, капитан, — пробормотал он, пытаясь сесть. На середине движения его лицо исказилось от боли, и он раздражённо выругался. — Но, если вы закончили оплакивать меня, будьте добры объяснить, почему мы всё ещё живы и почему потолок решил познакомиться с моей спиной.

— Потому что вы невероятно везучий человек, — отве-

тила я, помогая ему подняться. — И потому что я отказываюсь писать рапорт о вашей гибели.

— Вот теперь я чувствую настоящую преданность, — проворчал Реннар, осторожно опираясь на стену. В его глазах мелькнуло облегчение, которое он тут же попытался спрятать за усмешкой. — Хотя предпочёл бы, чтобы ради сохранения моей жизни вы выбирали менее разрушительные места для прогулок.

— Учту при следующем обрушении, — сухо отозвалась я, не удержавшись от короткой улыбки.

— Будьте так любезны. У меня уже заканчиваются запасные рёбра, — пожаловался он, с притворным укором покачав головой.

Я позволила себе улыбнуться, но улыбка исчезла, когда я посмотрела на собственное запястье.

Золотой знак Дракенхольдов никуда не исчез.

Тонкий круг, внутри которого переплетались линии нашего герба, словно находился под самой кожей. Вокруг него тянулись чёрные прожилки, уходившие к ладони. Я осторожно провела по ним пальцами.

Знак отозвался слабым теплом.

— Что это? — спросил Реннар, настороженно переводя взгляд с моего лица на руку.

Я поспешно опустила рукав, но он уже успел всё заметить.

— Покажите руку, капитан, — потребовал он, выпрямляясь. Его голос стал серьёзным, а привычная насмешка исчез-

ла. — Я видел, как вы сжали её после обрушения. И сейчас вы смотрите на запястье так, словно там сидит маленький демон и собирается откусить вам пальцы.

— Очень красочное описание, сержант, — ответила я, стараясь не выдать беспокойства. — Но рука цела.

— Тогда почему вы её прячете? — возразил он, хмурясь всё сильнее. Затем протянул ладонь, и в его взгляде появилась неподдельная забота. — Я не лекарь, капитан, однако способен отличить целую руку от проклятой.

Я посмотрела на него.

Реннар был одним из немногих людей, которым я доверяла без оговорок. Семь лет он служил под моим началом. Семь лет вытаскивал меня из неприятностей, спорил со мной, прикрывал спину и оставался рядом даже тогда, когда любой разумный человек предпочёл бы отойти подальше.

Он заслуживал правды.

Но я сама пока не знала, что именно должна ему сказать.

— Этот знак появился после того, как я коснулась королевского перстня, — призналась я, медленно закатывая рукав. — Он обжёг мне ладонь, а затем проявился на запястье. В зале Дариан увидел его и понял, что произошло нечто опасное. Он пытался предупредить меня, но объяснить всё не успел.

Реннар внимательно изучил символ. Его лицо становилось всё мрачнее.

— Значит, это связано с тем, что происходило в зале, —

произнёс он, и в голосе зазвучала тревога. — Сильварин, если эта штука причиняет вам боль, мы должны найти способ её убрать.

Он редко называл меня по имени. Обычно это происходило лишь в те моменты, когда он переставал видеть во мне капитана и начинал беспокоиться за человека.

— Сначала выберемся отсюда, — ответила я мягче, стараясь успокоить его. — Потом разберёмся со знаком. Я обещаю, что не стану делать вид, будто его не существует.

Реннар задержал на мне взгляд, словно проверяя, насколько серьёзно я говорю.

— Хорошо, — согласился он наконец, чуть расслабляя плечи. Затем осторожно коснулся моего плеча и добавил уже привычным тоном: — Но если эта штука начнёт светиться, говорить или требовать человеческих жертв, я оставляю за собой право немедленно выразить своё категорическое несогласие.

— Ваше мнение будет принято к сведению, — ответила я с невозмутимостью, за которой едва скрывалась улыбка.

— И проигнорировано, как обычно, — проворчал он, закатив глаза.

— Именно, — подтвердила я с короткой усмешкой.

На этот раз мы оба улыбнулись.

Ненадолго.

Потому что из глубины прохода донёсся низкий гул.

И золотые трещины в стенах вспыхнули одновременно.

II. То, что король скрывал

Мы двигались осторожно, поддерживая друг друга. Реннар прихрамывал, но отказывался останавливаться, а я не собиралась тратить время на бесплодные споры о том, кому из нас хуже.

Проход привёл нас в круглую камеру.

В её центре возвышался каменный постамент. Над ним висел металлический обруч, покрытый символами семи великих домов. От обруча тянулись тонкие золотые нити, уходившие в стены и исчезавшие среди древних надписей.

На полу лежал человек в королевской форме.

Я сразу опустилась рядом.

— Он жив, — сказала я, проверив пульс. Облегчение сменилось тревогой, когда я заметила, насколько сильно дрожат его пальцы. — Реннар, помогите мне приподнять его. Осторожно, у него может быть повреждён позвоночник.

— Слышишь меня, парень? — позвал сержант, опускаясь на колено. Его голос стал неожиданно мягким, почти ободряющим. — Давай, открывай глаза. Мы не собираемся причинять тебе вред.

Солдат резко вдохнул и попытался оттолкнуть нас.

— Не трогайте обруч! — вскрикнул он, вцепившись в мой рукав. Его глаза расширились от ужаса, а дыхание стало частым и неровным. — Отойдите от него! Вы не понимаете,

что он делает!

Я подняла ладони, показывая, что не собираюсь приближаться к постаменту.

— Хорошо. Мы отойдём, — сказала я спокойно, стараясь не усиливать его панику. — Меня зовут Сильварин Дракенхольд. Это сержант Реннар. Мы нашли тебя после обрушения. Ты можешь говорить?

— Эдрен Таль, двадцать третий королевский отряд, — выговорил он, тяжело сглотнув. — Я охранял этот зал. Нам приказали никого не пропускать, кроме людей с королевской печатью.

— Кто отдал приказ? — спросила я, наклоняясь ближе. Я старалась не торопить его, хотя каждое мгновение под землёй могло стоить нам жизни. — Король лично или его советники?

Эдрен закрыл глаза, словно собирался с силами.

— Приказ пришёл из дворца. Его подписал лорд Кассиан Морвейн от имени короля. Нам сказали, что здесь испытывают древний артефакт, который поможет объединить магию семи домов. Мы должны были охранять учёных и не вмешиваться в работу.

Реннар недоверчиво посмотрел на обруч.

— И вы просто согласились стоять рядом с этой штукой, не задавая вопросов? — спросил он с раздражением, но, заметив, как Эдрен вздрогнул, тут же смягчил голос. — Прости. Это было несправедливо. Ты выполнял приказ, как и

мы.

Эдрен слабо кивнул, благодарно принимая его слова.

— Сначала всё шло нормально, — продолжил он, и голос его окреп, когда он перешёл к тому, что видел собственными глазами. — Учёные активировали обруч. На нём загорелись символы домов. Потом один из магов коснулся центральной пластины, и артефакт вытянул из него всю силу. Он упал на пол, не в силах даже поднять руку.

Я почувствовала, как холодеет кожа.

— Он умер? — спросила я тихо, боясь услышать ответ.

— Нет. Но больше не мог колдовать. Его магия исчезла полностью, — ответил Эдрен, и в его голосе прозвучал ужас человека, который до сих пор не мог поверить в увиденное. — Потом артефакт передал эту силу другому человеку. Маг начал управлять чужой стихией, хотя прежде никогда не владел ею. Он не мог остановить процесс. Чем сильнее сопротивлялся, тем больше энергии обруч вытягивал из остальных.

Реннар побледнел.

— Значит, артефакт не просто соединяет магию, — произнёс он, с трудом сдерживая гнев. — Он позволяет одному человеку забирать силу у других.

— Да, — подтвердил Эдрен. Теперь он говорил увереннее, словно наконец получил возможность рассказать то, что давно не давало ему покоя. — Король хочет, чтобы вся магия Эйрдала подчинялась единому источнику. Его люди счи-

тают, что так можно прекратить войны между великими домами. Если один правитель сможет управлять силами всех остальных, никто больше не осмелится бросить ему вызов.

Я медленно выпрямилась.

Вот оно.

Не древнее пророчество. Не загадка, которую требовалось разгадывать по намёкам.

Обычная жажда власти, возведённая в масштаб целого королевства.

Ориан Аурелион хотел не просто объединить дома. Он хотел лишить их возможности сопротивляться.

— Почему тогда эксперимент проводили здесь, вдали от столицы? — спросила я, чувствуя, как гнев вытесняет страх. — И зачем понадобился королевский перстень?

— Перстень служит ключом к древним механизмам, — ответил Эдрен. — Без него обруч не мог активировать все семь символов. Но для полного ритуала нужна ещё одна вещь.

Он замолчал, и я заметила, как его взгляд переместился на моё запястье.

— Моя метка, — закончила я за него, с горечью осознавая, насколько глубоко король втянул меня в свои планы.

Эдрен кивнул.

— В старых записях говорилось, что магия семи домов когда-то была связана с одной древней силой. Король считает, что потомки первых правителей могут восстановить эту

связь. Но ни один из его магов не смог запустить механизм полностью. Артефакт каждый раз разрушал сам себя.

— Пока не появился знак Дракенхольдов, — тихо произнёс Реннар, бросив на меня обеспокоенный взгляд.

Я посмотрела на золотой круг под рукавом.

— Значит, король не просто отправил меня в ущелье искать пропавший отряд, — сказала я, ощущая, как внутри поднимается ледяная ярость. — Он хотел проверить, сработает ли артефакт в моём присутствии.

— Похоже на то, — подтвердил Эдрен, и в его глазах появилось сочувствие. — Но я не знаю, понимал ли это сам наследник. В приказе, который нам передали, говорилось, что вы должны прибыть в ущелье вместе с отрядом. Ваше присутствие было обязательным условием.

Я вспомнила подпись Дариана.

Его предупреждение.

Его попытку удержать меня в тот момент, когда пол начал рушиться.

Мне хотелось верить, что он не знал всего плана. Но вера не отменяла фактов: его имя стояло под приказом, который привёл меня к артефакту.

— Что произошло после активации? — спросила я, заставляя себя сосредоточиться на деле. — Почему зал обрушился?

Эдрен тяжело выдохнул.

— Обруч начал вытягивать магию из всех, кто находился

в камере. Учёные пытались остановить процесс, но механизмы вышли из-под контроля. Один из них разбил центральную пластину, и энергия ударила по стенам. Камень начал трескаться. Я успел добраться до этой комнаты, прежде чем проход обрушился.

— А остальные? — спросил Реннар. В его голосе прозвучала надежда, которую он пытался скрыть за суровым выражением лица. — Ты видел, куда они ушли?

— Несколько солдат выбрались через северный проход. Учёные погибли или остались под завалами. Я не знаю, сколько человек уцелело, — ответил Эдрен, опуская взгляд. — Простите. Я должен был помочь им, но едва мог двигаться.

— Ты остался жив и рассказал нам всё, что знаешь, — ответила я, чувствуя искреннее уважение к его усилиям. — Этого достаточно. Мы найдём остальных, если они ещё здесь.

Реннар поднялся и протянул Эдрену руку.

— Давай, парень. Поднимайся, — сказал он с ободряющей решимостью. — Я не обещаю, что дорога будет приятной, но обещаю, что не оставлю тебя под землёй.

Эдрен с благодарностью принял помощь.

Я посмотрела на обруч ещё раз.

Семь символов на его поверхности погасли, кроме одного — герба Дракенхольдов. Он мерцал чёрно-золотым светом, словно артефакт продолжал искать связь с моей кровью.

Я отвела взгляд.

Мне не требовалось знать древнее пророчество, чтобы понять, что происходит.

Король строил оружие, способное лишить великие дома их силы.

И по какой-то причине я была необходима ему для завершения работы.

III. Советник короля

Мы уже собирались покинуть камеру, когда в проходе послышались шаги.

Я мгновенно подняла меч.

— Кто идёт? — потребовала я, занимая позицию между Реннаром и входом. Мой голос прозвучал жёстко и уверенно, хотя сердце после всего пережитого билось слишком быстро. — Назовитесь и покажите руки!

Из темноты вышел мужчина в длинном чёрном плаще. На груди блестела королевская печать, а на поясе висел церемониальный меч с рукоятью из белого металла.

Он остановился, увидев направленный на него клинок.

— Лорд Кассиан Морвейн, советник короля Ориана Ауреллиона, — произнёс он с холодным достоинством. — Капитан Дракенхольд, уберите оружие. Я прибыл, чтобы вывести вас из ущелья и доставить в столицу.

Я не опустила меч.

— Тогда объясните, почему советник короля оказался под землёй рядом с секретным магическим артефактом, — ответила я, пристально изучая его лицо. — И почему ваши люди проводили эксперименты, которые едва не уничтожили весь отряд.

Кассиан посмотрел на Эдрена, затем на обруч. Его выражение стало напряжённым.

— Вы уже знаете об эксперименте, — произнёс он с явным неудовольствием. — В таком случае я избавлю нас обоих от бесполезных оправданий. Король действительно приказал исследовать артефакт. Он намерен объединить магию семи домов, чтобы прекратить междоусобные войны и укрепить королевство перед лицом внешних угроз.

— За счёт магии собственных солдат? — резко спросил Реннар, делая шаг вперёд. Его голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Я видел, как люди умирали на поле боя, лорд Морвейн. Но никогда не думал, что однажды королевская армия станет расходным материалом для дворцовых экспериментов.

Кассиан повернулся к нему.

— Я не собираюсь утверждать, что всё прошло по плану, сержант, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучала усталость. — Испытание закончилось катастрофой. Я прибыл сюда именно потому, что король требует немедленно выяснить причины сбоя.

— Удивительно, — процедила я, чувствуя, как гнев становится почти осязаемым. — Сначала вы подвергаете людей опасности, а затем отправляете советника расследовать, почему они не выдержали. Удобная система.

Кассиан выдержал мой взгляд.

— Вы имеете право злиться, капитан, — ответил он сдержанно, не пытаясь оправдаться. — Но я не участвовал в испытании и не отдавал приказов вашим людям. Я отвечаю за

последствия, и именно поэтому говорю с вами прямо. Король не откажется от ритуала. Он считает, что без объединённой магии семь домов однажды уничтожат друг друга.

— А вы считаете, что он прав? — спросила я, пристально наблюдая за его реакцией.

Кассиан помолчал, затем устало провёл ладонью по лицу.

— Я считаю, что король искренне верит в необходимость этого решения, — ответил он. — Но вера в благую цель не делает любой способ её достижения правильным. Я предупреждал его, что артефакт нестабилен. Он решил продолжить испытания.

Его признание застало меня врасплох.

Не потому, что оно оправдывало короля.

А потому, что впервые за долгое время кто-то из людей при дворе не пытался прикрыть опасное решение красивыми словами.

— Тогда почему вы всё ещё служите ему? — спросила я. Вопрос прозвучал резче, чем я намеревалась, но отступать я не стала. — Если вы понимаете, к чему приведёт ритуал, почему не остановите его?

Кассиан посмотрел на меня с горькой усмешкой.

— Потому что у меня нет власти, достаточной для того, чтобы остановить его в одиночку, — ответил он. — Я могу задержать поставки, изменить маршруты, вывести людей из-под удара. Но если открыто выступлю против короля, меня заменят человеком, который не станет задавать вопросов во-

все.

Он не просил сочувствия. Не пытался представить себя героем. И именно поэтому его ответ звучал убедительно.

Я медленно опустила меч, но не убрала его в ножны.

— Хорошо, — сказала я, сдерживая раздражение. — Тогда расскажите всё, что знаете об артефакте. Без придворных формулировок и без попыток смягчить правду.

Кассиан кивнул.

— Артефакт называется Сердцем Семи. Его создали задолго до основания нынешнего королевства, когда великие дома ещё не заключили союз. Он способен связывать магию разных родов в единую сеть. Если ритуал завершится, корона сможет направлять силу всех семи домов через одного носителя.

— То есть король получит власть над магией каждого лорда и каждого мага Эйрдала, — уточнила я, чувствуя, как холодеет спина.

— Да, — подтвердил Кассиан. — Он сможет усиливать одни дома и ослаблять другие, блокировать магические способности непокорных и передавать их силу тем, кому доверяет. Это изменит весь порядок власти.

Реннар с отвращением покачал головой.

— Значит, вместо семи домов у нас останется один хозяин, — произнёс он, и в его голосе звучала откровенная брезгливость. — И все остальные будут благодарить его за возможность дышать.

— Именно этого я и опасаюсь, — ответил Кассиан, посмотрев на него с неожиданным уважением. — Поэтому мне необходимо доставить капитана в столицу. Её знак — единственная подтверждённая реакция, которую артефакт продемонстрировал за последние годы. Если король узнает, что связь установилась, он немедленно начнёт подготовку к следующему этапу.

Я подняла руку, показывая золотой символ.

— Этот знак появился после того, как я коснулась перстня короля, — сказала я, пристально глядя на советника. — Что он делает со мной?

Кассиан внимательно посмотрел на моё запястье и ответил без колебаний:

— Он связывает вас с Сердцем Семи. Пока связь не завершена, вы можете ощущать работу артефакта и, возможно, воздействовать на него. Но если король проведёт полный ритуал, ваша магия станет центральным каналом, через который он будет управлять остальными.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что произойдёт со мной после завершения? — спросила я, заставляя себя смотреть ему в глаза. — Не говорите, что это неизвестно. Мне нужна самая точная информация, которая у вас есть.

Кассиан выдержал паузу, и на этот раз его молчание не было попыткой скрыть ответ. Он явно выбирал слова, чтобы не преуменьшить опасность.

— В записях говорится, что носитель центральной связи постепенно теряет способность отделять собственную магию от чужой, — объяснил он. — Если процесс не остановить, его тело может не выдержать нагрузки. В худшем случае носитель погибнет, а энергия, которую он удерживал, вырвется наружу и уничтожит всё вокруг. Мы не знаем, удастся ли вам пережить завершение ритуала. Но рисковать вашей жизнью король готов.

Я медленно опустила руку.

Вот теперь всё было ясно.

Не пророчество. Не загадка. Не игра с древними символами.

Ориан Аурелион собирался использовать меня как живой инструмент для установления абсолютной власти — и знал, что я могу погибнуть.

— А Дариан? — спросила я после короткой паузы. При одном упоминании его имени гнев вновь сдавил мне горло. — Какую роль он играет в этом плане?

Кассиан посмотрел на меня внимательно.

— Дариан подписал приказ о вашей экспедиции, потому что король потребовал отправить в ущелье человека из дома Дракенхольдов. Но наследник не знал, что Сердце Семи сработает именно на вас. Он рассчитывал, что вы исследуете руины, обнаружите артефакт и вернётесь с докладом до начала следующего этапа.

— Вы хотите сказать, что он не знал о моей роли? — спро-

сила я, не скрывая недоверия.

— Я не могу утверждать, что он не подозревал об опасности, — ответил Кассиан честно. — Но я знаю, что после обрушения он приказал немедленно отправить поисковый отряд. Затем получил прямое распоряжение короля вернуться в столицу. Он пытался добиться разрешения остаться, но Ориан отказал.

Я вспомнила Дариана в зале. Его напряжённое лицо. Руку, протянутую ко мне. Чёрную линию на его запястье.

И слова, прозвучавшие над рушащимся полом.

«Не позволяй королю завершить ритуал!»

Возможно, он действительно не знал, что знак появится именно на мне.

Но он знал, что король готовит нечто опасное. И вместо того, чтобы рассказать мне правду до отправления, подписал приказ.

Это было не простое недоразумение.

И не оправдание.

— Я поговорю с ним сама, — сказала я наконец, и голос прозвучал холодно и решительно. — И хочу услышать от него всё, что он знает.

— Это разумное решение, — согласился Кассиан. — Но вам следует понимать, что Дариан теперь тоже находится под давлением. Король намерен провести следующий этап ритуала в столице, и наследник должен присутствовать.

— Тогда тем более нам нельзя терять время, — ответила

я, убирая меч в ножны. — Если король собирается продолжить, мы должны успеть добраться до столицы раньше, чем он начнёт.

Реннар тяжело вздохнул, явно недовольный перспективой нового путешествия, но спорить не стал.

— Капитан, — произнёс он, бросив на меня выразительный взгляд, — я вижу, что отдых, горячая еда и полноценный сон снова отменяются. Скажите хотя бы, что я ошибаюсь, и позвольте мне сохранить последние остатки надежды.

— До следующего удобного случая, сержант, — ответила я с усталой улыбкой, пытаясь хоть немного разрядить напряжение.

— То есть до конца моей службы, — проворчал он с неподдельным отчаянием, прижимая ладонь к перевязанному боку.

— Не исключено, — отозвалась я с притворной невозмутимостью.

— Великолепно. Надеюсь, хотя бы в следующей жизни мне достанется командир с более спокойными привычками, — заявил Реннар, театрально закатив глаза, хотя в уголках его губ пряталась улыбка.

— Если вы продолжите так разговаривать, я лично прослежу, чтобы вам достался ещё более беспокойный, — парировала я с лукавым прищуром, впервые за долгое время позволяя себе по-настоящему улыбнуться.

Реннар усмехнулся, но в его глазах всё ещё оставалась тре-

вога.

Он понимал, что шутками мы лишь ненадолго отодвигаем неизбежное.

Нам предстояло вернуться в столицу, где король готовил ритуал, способный изменить весь Эйрдаль.

И где меня уже ждал человек, которому я больше не собиралась позволять прятаться за приказами.

IV. Первый замок

Мы вышли из камеры через узкий проход за постаментом. Кассиан шёл впереди, объясняя маршрут, а Эдрен двигался рядом с Реннаром, опираясь на его плечо.

Я слушала советника, стараясь запомнить каждую деталь.

— Сердце Семи состоит из нескольких связанных механизмов, — рассказывал Кассиан, указывая на древние знаки вдоль стены. В его голосе звучала деловая сосредоточенность человека, который решил больше не скрывать опасность. — Первый находится здесь, в Чёрном ущелье. Остальные расположены в древних святилищах, связанных с великими домами. Чтобы активировать всю систему, королю нужно запустить каждый механизм и провести магию через центральный канал.

— Сколько механизмов уже активировано? — спросила я, ускоряя шаг. — Мне нужно знать, сколько времени у нас осталось.

— До сегодняшнего дня ни один не работал полностью, — ответил Кассиан. — Ваше прикосновение к перстню активировало первый. Остальные пока находятся в спящем состоянии. Но теперь они могут реагировать на пробуждение центрального канала.

— Значит, у нас есть шанс остановить процесс, пока остальные не включились, — произнесла я, и впервые за весь

разговор в голосе появилась надежда.

— Да, — подтвердил Кассиан. — Если уничтожить центральный механизм или разорвать связь с ним до следующего этапа, король не сможет завершить ритуал по прежней схеме.

Реннар посмотрел на меня.

— Вот это уже похоже на полезную информацию, — заметил он с облегчением. — План, цель и понятные последствия. Если бы все наши враги были настолько любезны, служба в армии стала бы значительно приятнее.

— Не обольщайтесь, сержант, — ответила я, невольно улыбнувшись. — У нас ещё есть король, наследник и древняя машина, способная уничтожить магию целого королевства.

— Да, капитан, — вздохнул он с нарочитой обречённостью. — Но хотя бы теперь я знаю, кого именно собираюсь ненавидеть.

Я уже собиралась ответить, когда золотой знак на запястье внезапно вспыхнул.

Я остановилась.

Жар прошёл по руке до локтя. В глубине прохода раздался глухой треск, и золотистые линии на стенах начали гаснуть одна за другой.

— Что происходит? — спросил Реннар, мгновенно обнажая меч. В его голосе прозвучала тревога, но он тут же шагнул ближе ко мне. — Сильварин, вы можете идти?

— Могу, — ответила я сквозь стиснутые зубы, пытаясь справиться с болью. — Это не рана. Артефакт реагирует на что-то.

Кассиан резко обернулся.

— Не двигайтесь! — приказал он, и на этот раз в его голосе прозвучал настоящий страх. — Не касайтесь стен. Если связь активируется повторно, она может передать энергию прямо через ваш знак!

Я посмотрела на него, едва сдерживая раздражение.

— Тогда объясните, что именно нужно сделать, чтобы это прекратилось! — потребовала я. — Сейчас, лорд Морвейн. Не потом, не во дворце. Здесь!

Кассиан быстро подошёл ко мне, но не прикоснулся к руке.

— Нужно отойти от центрального прохода, — объяснил он, показывая на боковую нишу. — Знак реагирует на механизм. Если мы выйдем за пределы его поля, связь ослабнет. Двигайтесь медленно и не пытайтесь подавлять магию силой.

Я подчинилась.

Мы перешли в нишу, и жар постепенно ослаб. Золотистые линии на стенах погасли окончательно.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Хорошо, — сказала я, переводя дыхание. — Теперь мы знаем, что знак реагирует на механизмы. Это полезно. Но если такое повторится в столице, я хочу заранее знать, как защитить себя.

Кассиан серьёзно кивнул.

— Я подготовлю всё, что сохранилось в архивах о центральной связи, — пообещал он. — Вы получите документы сразу по прибытии. Я не стану скрывать от вас ни одного известного мне факта.

Я посмотрела на него, пытаясь понять, можно ли верить этому обещанию.

— Я запомню ваши слова, лорд Морвейн, — произнесла я с твёрдой решимостью.

— И правильно сделаете, капитан, — ответил он без улыбки. — Потому что теперь от того, насколько быстро мы разберёмся в устройстве Сердца Семи, зависит не только ваша жизнь.

Мы продолжили путь.

На этот раз я не чувствовала себя беспомощной перед древней силой. Опасность оставалась, но у неё появились очертания, причины и возможные способы борьбы.

Король хотел управлять магией семи домов.

Я была необходима ему для завершения ритуала.

Первый механизм уже активировался.

И теперь у меня была цель: добраться до столицы, найти Дариана и вместе с ним выяснить, как остановить Сердце Семи прежде, чем оно начнёт поглощать магию всего Эйрдала.

Впервые за долгое время я знала, что должна делать.

И это придавало мне сил.

V. Тот, кто ждёт наверху

Выход обнаружился за полуразрушенной лестницей.

Когда мы поднялись по ней, в лицо ударил холодный воздух. Я вдохнула его жадно, почти болезненно, словно всё это время провела под водой. Над ущельем висело серое небо, а пепел продолжал падать, укрывая камни тонким белёсым слоем.

Королевские солдаты ждали у обрыва. Увидев нас, они поспешили навстречу. Несколько человек сразу поддержали Эдрена, а лекарь принялся осматривать Реннара.

Я остановилась у края тропы и обратилась к ближайшему офицеру.

— Где Дариан Вейрхальд? — спросила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё ещё кипел гнев.

Офицер выпрямился.

— Наследник вернулся в столицу по прямому приказу короля, капитан, — доложил он с подчёркнутой официальностью. — Он покинул лагерь незадолго до обрушения.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается холодная ярость.

— Он оставил распоряжения для поискового отряда? — уточнила я, пристально глядя на офицера. — Или приказал немедленно возвращаться?

— Он потребовал продолжать поиски выживших, — от-

ветил офицер. — И приказал доставить вас в столицу живой, независимо от состояния ущелья. Он также передал, что лично встретит вас во дворце.

Я на мгновение замолчала.

Дариан знал, что я могу выжить. Знал, что знак проявился. И теперь хотел встретиться со мной лично.

Что ж.

У него будет такая возможность.

— Капитан, — позвал Реннар, подходя ко мне после осмотра лекаря. Его лицо было бледным, но он уже снова пытался держаться так, будто ничего серьёзного не произошло. — Я вижу это выражение. Вы собираетесь устроить наследнику незабываемую встречу.

— Я собираюсь задать ему несколько вопросов, — ответила я с холодной усмешкой.

— Разумеется, — протянул он с нарочитым сомнением. — А я, вероятно, услышу их из соседнего крыла дворца.

— Если будете вести себя прилично, сержант, возможно, даже разрешу вам присутствовать, — ответила я, бросив на него предупреждающий взгляд.

— Какая щедрость, капитан, — пробормотал он, прижимая ладонь к перевязанному боку. — Я уже чувствую, как моя жизнь становится спокойнее.

Я улыбнулась, но в этот момент заметила фигуру на противоположном склоне.

Человек в тёмном плаще стоял среди каменных выступов.

Пепел кружился вокруг него, не оседая на плечах. Лица я не видела, но узнала неподвижную осанку и тёмный силуэт.

Безликий.

Я замерла.

Он поднял руку и указал на ущелье, словно напоминал мне о том, что осталось внизу.

Затем его голос прозвучал прямо над камнями — отчётливый, холодный, лишённый всякого сомнения.

— Первый замок открыт, Сильварин Дракенхольд, — произнёс Безликий, и в его голосе прозвучала суровая уверенность. — Теперь король сможет продолжить ритуал. Если вы хотите остановить его, вам придётся добраться до Сердца Семи раньше, чем он активирует следующий механизм.

Я шагнула вперёд.

— Тогда объясни, как его остановить! — крикнула я, чувствуя, как гнев вытесняет страх. — Ты знаешь устройство этих механизмов. Ты знаешь, что собирается сделать король. Скажи мне, что нужно уничтожить!

Безликий не стал уходить от ответа.

— Центральный канал находится под королевским дворцом, — произнёс он. — Его можно разрушить только изнутри. Но для этого потребуется магия того, кто связан с Сердцем Семи. В вашем случае — ваша собственная магия.

Я похолодела.

— Что произойдёт со мной, если я разрушу канал? — спросила я, заставляя себя не отводить взгляда. — Я хочу

знать цену до того, как приму решение.

— Связь разорвётся, — ответил Безликий. — Но энергия, накопленная Сердцем Семи, ударит по тому, кто её удерживает. Вы можете выжить, если сумеете направить её в древние основания дворца. Если нет — погибнете вместе с механизмом.

Реннар резко повернулся ко мне.

— Нет, — произнёс он, и в его голосе прозвучал такой яростный страх, что несколько солдат обернулись. — Даже не думайте, что я позволю вам отправиться туда без плана. Мы найдём другой способ.

Я посмотрела на него, и на мгновение мне захотелось просто согласиться. Сказать, что мы обязательно найдём другой путь, что всё обойдётся и никому не придётся платить такую цену.

Но я не могла обещать того, чего не знала.

— Мы будем искать другой способ, — ответила я, осторожно сжав его плечо. — И не станем рисковать жизнью без необходимости. Но я не позволю королю завершить ритуал, если это сделает его хозяином магии всего Эйрдала.

Реннар хотел возразить, но, встретившись со мной взглядом, лишь тяжело выдохнул.

— Тогда я пойду с вами, — заявил он с упрямой решимостью. — И на этот раз я даже не собираюсь обсуждать это решение.

— Я и не собиралась возражать, — ответила я, чувствуя

благодарность, которую не умела выразить словами. — Мне понадобится человек, который напомнит, когда я перестану отличать храбрость от безрассудства.

— Прекрасно, — проворчал он с притворным недовольством. — Значит, наконец-то у меня появится официальная должность.

Я невольно рассмеялась, и этот короткий звук показался мне почти невозможным после всего пережитого.

Но Безликий всё ещё стоял на противоположном склоне.

— Есть ещё кое-что, что вы должны знать, — сказал он, и в его голосе появилась непривычная серьёзность. — Дариан Вейрхальд не враг вам. Он подписал приказ, потому что король угрожал начать испытания в столице, где погибли бы сотни магов. Наследник надеялся найти способ остановить ритуал раньше. Он ошибся в расчётах, но не в намерениях.

Я стиснула зубы.

Эти слова не снимали с Дариана ответственности. Не отменяли его подписи и не возвращали доверие, которое он поставил под угрозу.

Но теперь у меня было объяснение, которое можно было проверить.

— Я поговорю с ним сама, — ответила я. — И если ты говоришь правду, он подтвердит это. Если нет — я выясню, кто из вас пытается мной манипулировать.

Безликий медленно опустил руку.

— Это правильный подход, наследница, — произнёс он

с одобрением. — Не верьте никому только потому, что он говорит то, что вы хотите услышать. Проверяйте поступки. Проверяйте факты. И не позволяйте королю начать второй этап.

Он отступил за каменный выступ.

На этот раз я не стала кричать ему вслед.

У меня было достаточно информации, чтобы действовать.

Я знала, чего хочет король. Знала, как работает артефакт и какую угрозу представляет. Знала, что Дариан мог пытаться остановить ритуал, но не доверяла ему настолько, чтобы принять его мотивы на веру.

И знала, что следующий шаг должен быть моим.

Я повернулась к столице, скрытой за пепельной завесой.

Там меня ждал Дариан Вейрхальд.

Мужчина, чья подпись привела меня в Чёрное ущелье. Мужчина, который пытался остановить ритуал, но не нашёл в себе смелости рассказать мне правду заранее. Мужчина, к которому я испытывала чувства, от которых не могла избавиться одним приказом самой себе.

Я не собиралась прощать его прежде, чем услышу объяснение.

Но и не собиралась отказываться от помощи, если она действительно могла спасти королевство.

— Сержант, — сказала я, поправляя перевязь меча. В голосе вновь появилась привычная командная твёрдость. — Соберите людей. Мы возвращаемся в столицу.

Реннар кивнул и, несмотря на боль, выпрямился.

— Слушаюсь, капитан, — ответил он с решимостью, за которой скрывалось всё то же беспокойство. — И, если позволите, на этот раз я прослежу, чтобы у нас было достаточно лошадей, лекарств и еды. Не хотелось бы спасать королевство на пустой желудок.

— Разумное решение, сержант, — одобрила я, бросив на него благодарный взгляд.

— Запишите этот день в летописи, — заявил он с нарочитой гордостью. — Капитан Дракенхольд признала мою правоту.

— Не испытывайте судьбу, Реннар, — предупредила я, хотя улыбка снова тронула мои губы.

Он усмехнулся и отправился отдавать распоряжения.

Я осталась на мгновение одна, глядя на дорогу, которая вела к столице.

Под рукавом золотой знак медленно пульсировал в такт сердцу.

Первый замок открыт.

Следующий этап приближался.

И теперь я знала, что именно должна остановить.

Глава третья. Наследник короны

До столицы оставалось меньше часа пути, когда небо потемнело.

Я заметила это первой. Над дорогой, уходившей между чёрными холмами, собирались тучи, но они двигались против ветра. Их края отливали тусклым золотом — тем же цветом, каким вспыхивала метка на моём запястье.

Я натянула перчатку, скрывая знак, и сильнее сжала поводья.

— Если ты собираешься сказать, что это обычная гроза, выбери другую ложь, — бросила я Реннару, стараясь не выдать тревогу.

Он поднял голову. Под повязкой на виске проступило тёмное пятно, а лицо побледнело от усталости, но в глазах по-прежнему жила привычная упрямая насмешка.

— Я собирался сказать, что у нас есть примерно час до столицы, — ответил он с деланным спокойствием. — Но, судя по твоему тону, мне лучше немедленно придумать план спасения мира.

— Для начала придумай, как не упасть с лошади, — сухо отрезала я, хотя невольная улыбка на мгновение смягчила мои губы. — Спасение мира подождёт, пока ты не научишься держаться в седле.

— Прекрасно. Я всегда мечтал умереть от заботы соб-

ственного капитана, — пробормотал Реннар, поправляя поводья с таким видом, будто они лично его оскорбили.

— Не льсти себе. Я просто не хочу объяснять королю, почему привезла половину отряда и оставила вторую половину по дороге.

Его улыбка исчезла.

— А если король спросит, что мы нашли в ущелье? — спросил Реннар, и привычная насмешка сменилась настороженностью. — Ты собираешься рассказать ему об артефакте?

Я бросила взгляд на стены столицы, едва различимые за холмами.

— Нет. Ориан уже знает о Сердце Семи. Именно поэтому он отправил нас в ущелье, — ответила я с холодной уверенностью. — Но он не знает, что артефакт связал меня с центральным каналом. И пока мы не поймём, как разорвать эту связь, я не собираюсь раскрывать ему всё, что нам удалось выяснить.

Реннар нахмурился, тревожно сжав поводья.

— Значит, мы будем докладывать королю о том, что он и без нас знает, — произнёс он с явным раздражением. — И при этом делать вид, будто не понимаем, зачем нас туда отправили?

— Мы доложим о разрушенных руинах и найденном механизме, — ответила я, сдерживая гнев. — Но не станем рассказывать о метке и о том, что теперь я могу добраться до

центрального канала. Сначала выясним, когда Ориан собирается завершить ритуал. Потом решим, как его остановить.

Реннар помолчал, обдумывая мои слова. Его взгляд задержался на моей перчатке.

— Мне не нравится, что ты стала частью его плана, — признался он с беспокойством, которое уже не пытался скрыть. — Но ещё меньше мне нравится мысль, что мы можем опоздать и позволить ему провести этот ритуал.

— Мне тоже, — тихо ответила я, чувствуя, как под тканью снова нагревается кожа. — Поэтому мы не будем терять время.

— Тогда хотя бы позволь мне первым войти во дворец, — попросил Реннар, и в его голосе не осталось ни насмешки, ни привычной бравады. — Если там ловушка, я предпочту встретить её рядом с тобой, а не узнать о ней от солдата, который потом принесёт твоё оружие.

Я повернулась к нему.

— Ты едва держишься в седле.

— А ты едва сдерживаешь магию, которая может превратить тебя в пепел, — резко возразил он, нахмурившись от бессилия. — Так что давай не будем делать вид, будто только один из нас здесь нуждается в присмотре.

Я хотела ответить колкостью, но не нашла подходящих слов.

Вместо этого я кивнула.

— Хорошо. Вместе войдём, вместе выйдем.

Реннар облегчённо выдохнул.

— Вот теперь узнаю своего капитана, — сказал он с тёплой усталой улыбкой. — Даже когда она собирается испортить жизнь самому могущественному человеку в королевстве.

— Я ещё не решила, кому испорчу её первой, — ответила я, направляя лошадь к столице.

И впервые за весь путь мне стало немного легче.

Ненадолго.

Впереди, за последним поворотом, показались стены Эйрдаля.

На их вершинах горели семь огней — по одному на каждый великий дом. Обычно они служили символом единства королевства. Сейчас шесть пылали ровным пламенем, а седьмой, отмеченный знаком Дракенхольдов, вспыхивал и гас, словно пытался подать сигнал.

Моя метка ответила ему резкой болью.

Я едва удержала поводья.

— Сильварин! — испуганно воскликнул Реннар, заметив, как я согнулась в седле. — Что происходит? Скажи мне, где болит!

— Запястье, — выдохнула я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как горячая волна поднимается по руке к локтю. — Огни на стенах связаны с артефактом. Я чувствую их все.

— Тогда не дави на магию! — приказал он с такой тревогой, что голос сорвался на хрип. — Ты сама слышала, что

говорил Кассиан!

— Я ничего не делаю! — огрызнулась я, едва справляясь с болью. — Она реагирует на столицу!

Золотое свечение внезапно исчезло.

Я выпрямилась, тяжело дыша.

На стене снова горели семь ровных огней.

Но теперь я знала: столица уже была частью механизма.

И, возможно, Ориан начал следующий этап раньше, чем мы рассчитывали.

У городских ворот нас остановили двадцать королевских солдат.

Их командир, высокий мужчина в тёмно-синем плаще, вышел вперёд и внимательно изучил наши лица. Когда его взгляд остановился на мне, он заметно напрягся.

— Капитан Дракенхольд, — произнёс он с подчёркнутой официальностью, хотя в его глазах мелькнуло искреннее облегчение. — Наконец-то. Нам приказано немедленно доставить вас во дворец.

— Кто отдал приказ? — спросила я, настороженно оглядывая вооружённых людей.

— Командующий Дариан Вейрхальд, — ответил офицер без колебаний. — Он вернулся из ущелья два дня назад и с тех пор требует доклады о вашем местонахождении. Когда поступило сообщение, что вы приближаетесь к столице, он лично распорядился открыть ворота.

Два дня.

Я нахмурилась, чувствуя, как раздражение вытесняет усталость.

— Он знает, что мы нашли в ущелье?

— Мне неизвестно содержание его докладов, капитан, — ответил офицер, слегка склонив голову. — Но он приказал никого не задерживать и доставить вас прямо в королевский дворец. Без допросов и промежуточных остановок.

— Тогда не будем заставлять наследника ждать, — сказала я, холодно улыбнувшись. — Он ведь так любит отдавать приказы.

Офицер не улыбнулся.

— Прошу прощения, капитан. Но сегодня во дворце неспокойно.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Объясните.

Он колебался всего секунду, а затем ответил прямо:

— Король объявил о начале подготовки к объединению магических потоков семи домов. Официально это названо защитным ритуалом. Представители великих домов уже прибыли в столицу. Завтра на рассвете состоится первое публичное испытание.

У меня похолодели пальцы.

— Какое именно испытание? — спросила я, стараясь говорить ровно.

— Король намерен продемонстрировать, что магию одного дома можно безопасно передавать другому, — сообщил

офицер с заметным беспокойством. — Для этого во дворце собраны маги из разных родов. Некоторые согласились добровольно. Других вызвали по распоряжению короны.

Реннар резко выпрямился в седле.

— Ты хочешь сказать, что завтра он собирается провести опыт на живых людях? — спросил он с такой яростью, что ближайшие солдаты невольно положили руки на рукояти мечей.

— Я хочу сказать именно это, сержант, — ответил офицер, выдержав его взгляд. — И я не знаю, насколько безопасен ритуал.

Я почувствовала, как под перчаткой снова нагрелась метка.

Завтра.

Ориан не просто готовился завершить работу с артефактом. Он собирался показать великим домам, что их сила больше не принадлежит им самим.

— Веди нас, — приказала я, и мой голос прозвучал настолько холодно, что даже лошади словно почувствовали перемену. — Немедленно.

Дариан ждал меня в военном зале дворца.

Он стоял у длинного стола, заваленного картами и донесениями. На нём была чёрная форма командующего с серебряной застёжкой у горла. Ни плаща, ни парадных знаков наследника — только меч на поясе и усталость, которую не могли скрыть ни прямая осанка, ни холодное выражение лица.

Когда я вошла, он поднял голову.

На мгновение мы просто смотрели друг на друга.

Я увидела, как его плечи едва заметно расслабились. Как он перевёл взгляд на моё лицо, затем на руку в перчатке. Как сжал челюсть, заметив, что я держусь на ногах скорее из упрямства, чем от сил.

Но первым заговорила я.

— Ты подписал приказ, отправивший меня в Чёрное ущелье, — произнесла я, сдерживая ярость, которая поднималась внутри с каждым словом. — Я хочу услышать от тебя лично, зачем.

Дариан медленно обошёл стол. Его лицо оставалось суровым, но в голосе появилась усталая искренность.

— Потому что Ориан потребовал отправить туда мага из дома Дракенхольдов, — ответил он, не пытаясь смягчить правду. — Он знал, что знак на руинах связан с вашим родом. Я подписал приказ, рассчитывая, что экспедиция обнаружит артефакт и вернётся до начала следующего этапа.

— Ты знал об артефакте? — спросила я, и от обиды голос прозвучал тише, чем мне хотелось.

— Я знал, что под ущельем находится древний механизм, — признался Дариан, остановившись в нескольких шагах от меня. — Знал, что король хочет использовать его для объединения магии семи домов. Но я не знал, что механизм выберет тебя и оставит на твоём теле метку.

— А если бы выбрал другого? — резко спросила я, чув-

ствуя, как внутри поднимается холодная злость. — Ты позволил бы ему пройти через то же самое?

Дариан отвёл взгляд всего на мгновение.

— Нет, — ответил он глухо. — Именно поэтому я пытался остановить экспедицию до её отправления. Король отказался. Он пригрозил начать испытания в столице немедленно, если я сорву приказ. Я рассчитывал выиграть время и найти способ отключить механизм раньше, чем он доберётся до людей.

— И всё же ты отправил нас туда, — сказала я, ощущая, как слова обжигают горло. — Ты понимал, что там может быть опасно.

— Да, — ответил он без оправданий. — Я понимал. И это моя ответственность. Я не стану просить тебя считать мой поступок правильным.

Его прямота сбила меня с толку сильнее, чем любая попытка оправдаться.

Я готовилась к спору, к холодным объяснениям, к политическим формулировкам. Но он не прятался за ними. Он стоял передо мной и признавал то, что сделал.

И от этого моя злость не исчезала.

Она становилась сложнее.

— Что ты сделал после возвращения? — спросила я, заставляя себя перейти к делу. — Мне нужны факты, Дариан. Все, которые у тебя есть.

Он кивнул и указал на карту.

— Я выяснил, что центральный канал Сердца Семи находится под королевским дворцом. Он соединяет семь магических потоков и позволяет направлять их через одного носителя. Если Ориан завершит ритуал, он сможет ограничивать магию тех, кто ему противостоит, и усиливать тех, кто ему подчиняется.

— То есть он хочет превратить великие дома в источники силы для короны, — мрачно заключил Реннар, подходя к столу. — И назвать это защитой королевства.

— Именно, — подтвердил Дариан, бросив на него короткий одобрительный взгляд. — Но есть ещё одна проблема. По моим расчётам, Сердце не сможет долго выдерживать такое соединение без центрального носителя. После активации оно начнёт искать магию, которая подходит ему лучше всего.

Он посмотрел на меня.

Я медленно сняла перчатку.

Золотая метка проступала на коже, словно тонкая нить раскалённого металла.

Дариан побледнел.

— Значит, оно уже связало тебя с центральным каналом, — произнёс он, и в его голосе впервые прозвучал неподдельный страх. — Сильварин, это хуже, чем я предполагал.

— Тогда объясни, насколько хуже, — потребовала я, подняв на него глаза. — Не смягчай ответ ради меня.

Он глубоко вдохнул, будто собирался произнести приговор.

— Если король завершит ритуал, канал попытается использовать твою магию как проводник. Ты будешь чувствовать потоки всех семи домов. Если они пойдут через тебя одновременно, тело может не выдержать. Но есть способ остановить механизм.

— Какой? — спросила я, с трудом удерживая голос от дрожи.

— Разрушить центральный канал изнутри, — ответил Дариан. — Для этого понадобится магия человека, связанного с Сердцем. То есть твоя.

— А последствия? — уточнила я, пристально глядя на него.

Дариан помолчал лишь секунду — не для того, чтобы скрыть правду, а словно собирался с силами перед ответом.

— Энергия ударит по тебе. Если направить её в древние основания дворца, ты можешь выжить. Но гарантировать этого я не могу.

Реннар с силой упёрся ладонями в стол.

— Значит, мы найдём другой способ, — произнёс он сердито, и в его глазах вспыхнула решимость. — Мы не станем считать её единственным инструментом, который можно бросить в механизм.

— Согласен, — немедленно ответил Дариан, повернувшись к нему. — Я уже проверяю другие варианты. Если удастся разорвать связь между Сердцем и центральным каналом, Сильварин не придётся принимать весь удар.

Я внимательно изучала его лицо.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Потому что до ущелья у меня не было подтверждения, что носитель вообще существует, — ответил он с горечью. — Я знал о механизме, но не знал, как он выбирает человека. Теперь знаю. И не собираюсь оставлять тебя одну с последствиями моего приказа.

Последние слова прозвучали тихо, без привычной командирской твёрдости.

Я ненавидела, что заметила это.

Ненавидела, что после всего случившегося мне всё ещё было важно, насколько сильно он переживает.

— Не обещай того, чего не можешь гарантировать, — сказала я, отводя взгляд, чтобы он не увидел моего смятения. — Мне нужен союзник, который умеет считать риски, а не герой, готовый погибнуть рядом со мной.

Дариан едва заметно усмехнулся. В этой усмешке было столько усталости, что она почти напоминала улыбку.

— Уверяю тебя, капитан, героем я никогда не был. Я слишком хорошо знаю цену красивым смертям.

— Тогда докажи, что умеешь спасать людей, — ответила я, снова встречая его взгляд. — Начни с тех, кого король собирается использовать завтра.

Его лицо стало жёстким.

— Я уже приказал вывести магов из дворца.

— И что тебе ответили? — спросил Реннар, насторожив-

шись.

— Что приказ может отдать только король, — процедил Дариан, сдерживая гнев. — Ориан лично отменил моё распоряжение и назначил меня командующим охраной завтрашнего испытания.

— Значит, он хочет, чтобы ты обеспечил безопасность людей, которых собирается подвергнуть опасности, — произнесла я, чувствуя, как внутри всё сжимается от отвращения. — И чтобы ты не мог остановить его, не нарушив прямой приказ.

— Да, — ответил Дариан. — Но я всё равно найду способ сорвать испытание. Даже если мне придётся выступить против короля открыто.

Я посмотрела на карту дворца, на линии подземных переходов, на обозначение центрального канала.

— Тогда у нас мало времени, — сказала я, чувствуя, как тревога сменяется холодной решимостью. — Мы должны попасть под дворец до рассвета.

— Я пойду с тобой, — немедленно заявил Дариан, и в его голосе прозвучала такая твёрдость, что спорить с ним было бы бесполезно.

— Ты нужен здесь, чтобы задержать испытание, — возразила я, нахмурившись. — Если Ориан заметит, что мы исчезли одновременно, он поймёт, что мы знаем больше, чем должен знать кто-либо при дворе.

— Тогда я задержу его, пока ты будешь искать канал, —

ответил Дариан, наклоняясь над картой. — У меня есть доступ к нижним ярусам дворца. Я покажу тебе проход, которым пользовались строители древних оснований.

Он провёл пальцем по узкой линии, уходившей под восточное крыло.

— Этот путь ведёт прямо к сердцевине механизма. Но там есть защитная печать. Она пропускает только того, чья магия связана с Сердцем.

— Меня, — тихо сказала я.

— Тебя, — подтвердил он, подняв на меня глаза. — Я смогу провести тебя до печати. Дальше придётся действовать осторожно.

Я долго смотрела на него, пытаясь отделить человека передо мной от наследника, который подписал мой приказ.

Я ещё не простила его.

Возможно, не смогу простить никогда.

Но сейчас он говорил правду, и у нас была одна цель.

— Хорошо, — произнесла я наконец. — До печати мы идём вместе. После неё решение будем принимать по обстановке.

Дариан медленно кивнул. В его взгляде мелькнуло облегчение, которое он тут же попытался скрыть за привычной собранностью.

— Договорились, — ответил он сдержанно. — И на этот раз я не стану ничего от тебя скрывать.

Я хотела поверить ему.

Но прежде чем успела ответить, двери военного зала распахнулись.

На пороге стоял королевский посланник в белом парадном мундире. Его лицо было непроницаемым, а в руках он держал запечатанный свиток с золотой печатью Аурелионов.

— Ваше высочество, — произнёс он с безупречной почтительностью, протягивая документ Дариану. — Его величество требует вашего немедленного присутствия в тронном зале.

Дариан сломал печать и быстро пробежал глазами текст.

Я заметила, как изменилось его лицо.

— Что там? — спросила я, чувствуя, как метка под кожей снова начинает нагреваться.

Он поднял на меня взгляд. На этот раз в нём не было ни раздражения, ни привычной холодности — только тревога, которую он больше не пытался скрыть.

— Король перенёс испытание, — произнёс Дариан глухо. — Оно начнётся сегодня ночью.

— На сколько часов раньше? — резко спросил Реннар, побледнев от злости.

Дариан сжал свиток в кулаке.

— Через двадцать минут.

В ту же секунду все семь огней за окном вспыхнули золотом.

Метка на моей руке обожгла кожу.

А где-то глубоко под дворцом раздался низкий, протяж-

ный гул — словно древнее сердце наконец пробудилось.

Дариан схватил со стола меч.

— Мы опоздали, — произнёс он с яростью, обращённой прежде всего на самого себя. — Ориан уже запустил механизм.

Я посмотрела на дверь, за которой начинался путь к тронному залу, и почувствовала, как Сердце Семи тянется ко мне сквозь камень и металл.

Оно знало, что я вернулась.

И теперь звало меня внутрь.

Глава четвёртая. Кровь наследника

Гул под дворцом нарастал.

Каменные стены военного зала дрогнули, со стола посыпались пергаменты, а пламя в настенных светильниках вытянулось тонкими золотыми языками. На мгновение мне показалось, что весь дворец дышит в такт невидимому сердцу.

Я прижала ладонь к запястью. Метка жгла даже сквозь перчатку.

— Скажи, что это не означает немедленную катастрофу, — потребовал Реннар, нервно оглядываясь на дрожащие стены. Его голос звучал почти насмешливо, но побелевшие пальцы, сжимавшие рукоять меча, выдавали настоящий страх.

— Это означает, что механизм активирован, — ответил Дариан, с мрачной решимостью застёгивая пояс с оружием. — И если мы не остановим его в ближайшие минуты, король получит возможность направить магию семи домов через центральный канал.

— Тогда хватит разговоров, — бросила я, заставляя себя не смотреть на золотой свет, пробивавшийся из-под двери. — Веди нас к нижним ярусам. Сейчас.

Дариан шагнул к выходу, но посланник в белом мундире

преградил ему дорогу.

— Ваше высочество, прошу простить мою настойчивость, — произнёс мужчина с напряжённой почтительностью. — Его величество приказал вам явиться в тронный зал немедленно. Он отдельно подчеркнул, что вы должны прийти один.

Дариан остановился. Его лицо стало неподвижным, а в глазах вспыхнуло раздражение.

— Передай моему отцу, что я прибуду, когда закончу здесь, — отчеканил он холодно. — Если он хочет обсудить ритуал, пусть приготовится услышать не только то, что ему приятно.

Я замерла.

Отец?

Посланник побледнел, но не отступил.

— Ваше высочество, король воспримет это как прямое неповиновение, — предупредил он с плохо скрываемой тревогой. — Вы знаете, что он не терпит публичного сопротивления.

— Тогда ему придётся привыкнуть, — отрезал Дариан с такой яростью, что посланник невольно отступил на шаг. — Я не позволю превратить магов королевства в топливо для его эксперимента.

Мужчина поклонился и поспешно вышел.

Я медленно повернулась к Дариану.

— Твой отец? — переспросила я, чувствуя, как удивление

постепенно сменяется подозрением. — Ты наследник Ориана Аурелиона?

Дариан посмотрел на меня. В его взгляде не было ни смущения, ни попытки уйти от ответа — только усталость человека, которому слишком долго приходилось жить между долгом и собственными убеждениями.

— Да, — ответил он прямо. — Я единственный законный наследник короны Эйрдаля. После смерти отца я должен занять трон и стать следующим верховным правителем семи домов.

Несколько секунд я молчала.

Я знала, что Дариан Вейрхальд занимает высокое положение при дворе. Знала, что он командует королевскими войсками и имеет доступ к закрытым распоряжениям. Но его имя всегда связывали с домом Вейрхальдов, а не с королевской династией.

Теперь многое вставало на свои места.

— Вейрхальд — твой род по крови? — спросила я, нахмурившись от неожиданного открытия. — Но королевская фамилия — Аурелион.

— Вейрхальд — дом моей матери, — объяснил он сдержанно, заметив моё замешательство. — Она происходила из старшей ветви этого рода. Я сохранил её фамилию, потому что именно её семья воспитала во мне военного, а не придворного. По закону я всё равно наследник Аурелионов.

Реннар недоверчиво приподнял бровь.

— То есть человек, который последние годы отдаёт приказы нашим войскам, — произнёс он с мрачным удивлением, — однажды может стать королём, против которого мы сейчас собираемся выступить?

— Если я позволю отцу завершить ритуал, мне не останется королевства, которым можно править, — ответил Дариан, и в его голосе прозвучала горечь. — Останется только трон над людьми, лишёнными собственной силы. Я не собираюсь наследовать такую власть.

Я внимательно посмотрела на него.

— И давно ты решил, что не хочешь быть похожим на своего отца? — спросила я с осторожной резкостью. — Или это решение появилось только после того, как Сердце Семи выбрало меня?

Дариан вздрогнул, словно вопрос задел то место, которое он старательно скрывал за военной дисциплиной.

— Задолго до ущелья, — ответил он негромко, но уверенно. — Я видел, как отец обращается с теми, кто ему возражает. Видел, как он использует власть, чтобы заставлять людей молчать. Я служил ему, потому что верил, что смогу изменить королевство, когда унаследую трон. Но теперь понимаю: если я не остановлю его, то сам стану наследником преступления.

В его словах не было красивой клятвы. Только признание, от которого мне стало не по себе.

Я слишком хорошо знала, как легко люди оправдывают

собственное бездействие надеждой на будущее.

— Тогда докажи, что ты отличаешься от него, — сказала я твёрдо, встречая его взгляд. — Не ради меня. Ради тех, кого он собирается лишить магии.

— Именно это я и собираюсь сделать, — ответил Дариан с такой решимостью, что в его голосе впервые зазвучала не только злость, но и настоящая вера в собственный выбор.

Он распахнул дверь.

За ней тянулся длинный коридор, залитый золотистым светом. В глубине дворца раздавались крики, звон металла и тяжёлый гул, от которого дрожали каменные плиты.

Мы бросились вперёд.

К нижним ярусам вела узкая лестница за старым оружейным залом.

Дариан двигался быстро, уверенно выбирая повороты. Он знал дворец так, словно помнил каждый его камень. Я держалась рядом, стараясь не обращать внимания на боль в запястье, но с каждым пролётом метка становилась горячее.

Реннар замыкал нашу тройку, тяжело дыша после ранения.

— Если я когда-нибудь ещё раз услышу, что дворец построен по гениальному плану, — проворчал он, раздражённо хватаясь за перила, — я лично заставлю архитектора пробежать все эти лестницы в полном вооружении.

— Можешь составить список претензий, — ответил Дариан, не сбавляя шага. В его голосе мелькнула сухая ирония.

— Если выживем, я выделю тебе время на встречу с главным архитектором.

— Как великодушно, ваше высочество, — отозвался Реннар с нарочитой почтительностью, хотя на лице у него читалось явное недовольство. — Я уже представляю, как буду благодарить вас за эту честь.

— Только не делай это сейчас, — предупредила я, бросив на него тревожный взгляд. — Если ты упадёшь, я не понесу тебя на руках.

— А я-то надеялся, что наша дружба наконец перешла на новый уровень, — вздохнул Реннар, изображая оскорблённое достоинство. — Столько лет службы, и всё ради того, чтобы меня бросили на лестнице.

— Я могу приказать солдатам донести тебя, — предложил Дариан, и в его голосе неожиданно прозвучало искреннее участие. — Но подозреваю, ты скорее согласишься умереть, чем позволишь кому-то увидеть, как тебя несут.

— Наконец-то вы начинаете понимать мой характер, ваше высочество, — пробормотал Реннар, стараясь улыбнуться, несмотря на боль.

Я едва заметно усмехнулась.

Эта короткая передышка помогла мне снова собраться. Но стоило нам добраться до последней двери, как улыбка исчезла.

На металле была выгравирована эмблема Аурелионов: золотое солнце, окружённое семью лучами.

Дариан приложил ладонь к замку. Тот отозвался коротким звоном, и тяжёлая дверь медленно открылась.

За ней находился зал, которого не было ни на одной из дворцовых карт.

В центре возвышался массивный каменный круг, окружённый семью колоннами. Между ними струились световые нити, уходившие вниз, в глубокую шахту. Над круглой площадкой вращались металлические кольца с древними знаками. Каждый оборот сопровождался гулом, от которого у меня дрожали зубы.

Сердце Семи.

Я узнала его сразу, хотя раньше видела лишь обломки и фрагменты механизма.

— Это и есть центральный канал? — спросила я, невольно замедлив шаг. От масштаба конструкции перехватило дыхание. — Ориан собирается управлять всеми потоками отсюда?

— Да, — ответил Дариан, и его лицо стало мрачным. — Через этот зал магия семи домов должна соединиться в единый поток. После этого отец сможет направлять её туда, куда пожелает. Если система заработает на полную мощность, ни один дом не сможет сопротивляться ему открыто.

Реннар посмотрел на колонны, и выражение его лица стало жёстким.

— А что будет с теми, кто окажется внутри во время запуска? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие, хотя

тревога уже звучала в каждом слове.

— Если потоки стабилизируются, маги останутся живы, — объяснил Дариан. — Но их сила окажется под контролем короны. Если же система перегрузится, магия начнёт разрушать тело носителя и всех, кто подключён к каналу.

— То есть безопасного исхода для тех, кого подключат насильно, ты не гарантируешь, — заключила я с холодной яростью.

— Не гарантирую, — ответил он, не отводя глаз. — И не собираюсь притворяться, будто знаю больше, чем на самом деле.

Я посмотрела на центральную площадку.

На её поверхности мерцал знак Дракенхольдов.

Мой знак.

Он пульсировал в одном ритме с меткой на запястье, словно невидимая нить связывала меня с камнем.

— Почему мой дом? — спросила я, и в голосе прорвалась боль, которую я больше не могла сдерживать. — Почему Сердце выбрало именно меня?

Дариан приблизился, но остановился, оставляя мне пространство.

— Пока мы не знаем, — ответил он с сожалением. — Возможно, дело в твоей магии. Возможно, в том, что твой род когда-то участвовал в создании механизма. Я не стану выдавать предположение за факт. Но мы выясним это, если выберемся отсюда.

Я кивнула.

Именно такой ответ мне был нужен.

Не обещание. Не удобная легенда. Только правда о том, что известно и чего мы пока не понимаем.

Внезапно один из световых потоков вспыхнул ослепительным золотом.

Метка на моей руке ответила ему.

Меня резко потянуло вперёд.

— Сильварин! — крикнул Дариан, бросаясь ко мне с отчаянной тревогой. — Не подходи к площадке!

Я попыталась остановиться, но ноги словно перестали мне подчиняться. Магия тянула меня к центру, и вместе с ней в сознание ворвались чужие ощущения: жар, давление, сотни отдельных импульсов, сливающихся в единый оглушительный гул.

Реннар схватил меня за плечо.

— Держись за меня! — выкрикнул он, изо всех сил пытаясь удержать меня на месте. — Сильварин, смотри на меня! Не позволяй этой штуке утащить тебя!

Я вцепилась в его руку.

— Я пытаюсь! — выдохнула я, задыхаясь от боли. — Она тянет меня изнутри!

Дариан обнажил меч и перерубил одну из металлических связок, соединявших ближайшее кольцо с колонной.

Раздался оглушительный треск.

Световой поток оборвался, но вместо облегчения зал со-

дрогнулся так сильно, что с потолка посыпались каменные осколки.

— Что ты наделал?! — крикнула я, ошеломлённая вспышкой и внезапным ударом по ушам.

— Отключил один из контуров! — ответил Дариан, перекрикивая гул. Его лицо исказилось от напряжения. — Но остальные продолжают работать!

— Тогда не трогай больше ничего без понимания последствий! — резко бросила я, чувствуя, как страх превращается в ярость. — Мы не можем разрушать механизм наугад!

Дариан сжал челюсть, но не стал спорить.

— Ты права, — признал он, тяжело дыша. — Я не знаю, что произойдёт, если мы оборвём все связки. Значит, сначала найдём управляющий узел.

Его готовность признать ошибку заставила меня на секунду замолчать.

В этот момент из глубины зала раздался голос.

— Как трогательно. Наследник короны наконец научился слушать чужие доводы.

Мы одновременно обернулись.

На верхней галерее стоял Ориан Аурелион.

Король был одет в парадный чёрный камзол с золотой вышивкой. Серебро уже пробивалось в его тёмных волосах, но осанка оставалась безупречной, а взгляд — ясным и холодным. Он не выглядел человеком, который боится потерять власть.

Он выглядел человеком, уверенным, что власть уже принадлежит ему навсегда.

За его спиной стояли четверо магов в белых одеждах. Их запястья охватывали металлические браслеты, от которых тянулись тонкие световые нити к колоннам.

Я почувствовала, как внутри поднимается тошнотворный холод.

Это были люди, подключённые к Сердцу Семи.

— Отец, — произнёс Дариан, поднимая голову. Его голос звучал ровно, но пальцы на рукояти меча побелели от напряжения. — Останови механизм. Он нестабилен. Ты рискуешь убить этих людей.

Ориан посмотрел на сына с усталым разочарованием.

— Ты всегда был слишком впечатлительным, Дариан, — ответил он с ледяным спокойствием. — Власть требует жертв. Я лишь готов заплатить цену, которую другие боятся даже назвать.

— Это не твоя цена, — резко возразил Дариан, и в его голосе прорвалась давно сдерживаемая ярость. — Ты распоряжаешься чужими жизнями ради власти, которую и так получишь по наследству!

— Наследство — это не только трон, — холодно произнёс король, спускаясь на несколько ступеней. — Я оставлю тебе единое королевство, в котором великие дома больше не смогут угрожать друг другу. Ни войн между родами, ни мятежей, ни магических расправ. Один закон. Одна сила. Один

правитель.

— И этот правитель будешь ты, — сказала я, выступая вперёд, несмотря на боль в запястье. — Ты не собираешься объединять дома. Ты собираешься лишить их возможности тебе сопротивляться.

Ориан перевёл взгляд на меня. В его глазах появилось узнавание.

— Сильварин Дракенхольд, — произнёс он с холодной любезностью. — Девушка, которая должна была принести мне ответы из ущелья. А вместо этого принесла сюда саму себя.

— Ты знал, что Сердце может выбрать носителя? — спросила я, сдерживая гнев. — Ты отправил нас туда, понимая, что это может случиться?

— Я знал, что древний механизм способен реагировать на кровь и магию великих домов, — ответил король без колебаний. — Но никто не мог предсказать, кого именно он выберет. Теперь это не имеет значения. Ты уже связана с каналом.

Дариан шагнул вперёд, заслоняя меня от отца.

— Она не станет частью твоего ритуала, — заявил он с такой яростью, что голос отразился от стен. — И эти люди тоже. Останови систему, пока ещё можешь.

Ориан посмотрел на него почти с сожалением.

— Ты всё ещё считаешь, что однажды станешь королём благодаря добродетели, сын мой? — спросил он, слегка склонив голову. — Трон не достаётся тому, кто умеет жалеть. Он

достаётся тому, кто способен удержать власть, когда остальные от неё отказываются.

— Тогда, возможно, мне не нужен твой трон, — ответил Дариан, и его слова прозвучали твёрже любого клятвенного обещания. — Если ради него я должен стать тобой, я откажусь от короны.

На лице Ориана впервые появилось настоящее раздражение.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, — процедил он. — Ты не просто мой сын. Ты наследник Аурелионов, будущий верховный правитель семи домов. Твоя кровь — основание власти, которую я создавал всю жизнь. И ты не имеешь права разрушать её из-за привязанности к одной женщине.

Я почувствовала, как Дариан напрягся рядом со мной.

Но он не отвёл взгляда.

— Я не защищаю её из-за привязанности, — ответил он с гневным достоинством. — Я защищаю её, потому что ты собираешься использовать человека как инструмент. И я защищаю этих магов по той же причине. Если я когда-нибудь займу трон, то не позволю никому делать с людьми то, что ты делаешь сейчас.

Ориан медленно улыбнулся.

— Тогда докажи, что достоин быть моим наследником.

Он поднял руку.

Все семь колонн вспыхнули одновременно.

Люди в белых одеждах закричали. Световые нити натянулись, и их магия хлынула в центральную площадку. Золотой знак Дракенхольдов под моими ногами загорелся так ярко, что я перестала различать очертания камня.

Меня резко потянуло к центру зала.

Дариан схватил меня за руку.

— Сильварин! — крикнул он, и в его голосе смешались ужас и отчаянная решимость. — Смотри на меня! Я не отпущу тебя!

Я стиснула его пальцы, чувствуя, как сила Сердца разрывает меня изнутри.

— Тогда помоги мне остановить его! — выкрикнула я, не отводя от Дариана взгляда. — Не дай ему завершить ритуал!

Ориан наблюдал за нами с холодным удовлетворением.

— Вот и настал твой первый настоящий выбор, наследник, — произнёс он с жестокой уверенностью. — Спаси девушку, которую любишь, или сохрани королевство, которым однажды должен править.

Дариан резко поднял голову.

— Ты ошибаешься, отец, — ответил он, и в его голосе прозвучала такая сила, что даже гул Сердца на мгновение словно отступил. — Я не позволю тебе заставить меня выбирать между человеком и королевством. Королевство существует ради людей. И если ты забыл об этом, значит, именно ты больше не достоин им править.

В ту же секунду метка на моей руке раскалилась добела.

Сердце Семи открыло все семь потоков.

И я услышала голос, который звучал не в зале, а прямо внутри моей головы:

Носитель найден. Центральный канал готов к завершению.

Под ногами треснул камень.

Дариан притянул меня к себе, пытаясь удержать на рушащейся площадке.

А Ориан, не отводя от нас торжествующего взгляда, произнёс:

— Начинаем.

Глава пятая. То, что нельзя отречься

Слова прозвучали внутри моей головы, но я услышала их так ясно, будто кто-то прошептал мне прямо в ухо.

Носитель найден. Центральный канал готов к завершению.

На мгновение исчезли все остальные звуки.

Гул Сердца Семи. Скрежет металла. Тяжёлое дыхание Дариана рядом. Даже собственный пульс — всё растворилось в холодной тишине, которая принадлежала только мне.

А потом боль вернулась.

Чёрная отметина на запястье вспыхнула, и я невольно прижала руку к груди. Под кожей словно натянулись тонкие проволоки, каждая тянулась к одной из семи колонн. Шесть отзывались чужой, незнакомой магией. Седьмая — моей.

Нет. Не моей.

Она была похожа на мою силу, но глубже, древнее, будто кто-то пробудил то, что спало во мне задолго до моего рождения.

— Сильварин! — голос Дариана прорезал гул, и в его резкости я услышала настоящий страх. Он схватил меня за плечи, заставляя посмотреть на него. — Смотри на меня. Что оно с тобой делает?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь короткий, болезненный вдох. Взгляд Дариана метнулся к моей руке. Его лицо побледнело, а пальцы сжались сильнее, словно он мог удержать меня в этом мире одной силой.

— Оно назвало меня носителем, — выдавила я, стараясь не показать, насколько трудно мне говорить. — Центральный канал готов к завершению. Я думаю, оно собирается использовать меня, чтобы соединить остальные дома.

Дариан медленно убрал руки с моих плеч, будто боялся причинить мне ещё большую боль. Но его взгляд стал жёстким.

— Тогда оно не получит тебя, — произнёс он тихо и с такой холодной решимостью, что эти слова прозвучали страшнее крика.

На верхней галерее Ориан поднял руку.

Четыре мага в белых одеждах одновременно выгнулись, когда световые нити, соединявшие их запястья с колоннами, налились ослепительным сиянием. Один из них закричал. Его голос сорвался на хрип, и по каменному залу прокатилось эхо.

— Отец, останови ритуал! — Дариан резко обернулся к королю, и в его голосе впервые за всё время прозвучала не просто ярость, а отчаяние. — Ты видишь, что происходит с людьми! Они не выдержат такой нагрузки!

Ориан даже не посмотрел на пленников. Он следил за Сердцем, а в его глазах отражались семь вращающихся по-

токов света.

— Они выдержат, если система будет завершена, — ответил он с ледяным спокойствием человека, давно решившего, что чужая боль не имеет значения. — Не мешай тому, чего не понимаешь, Дариан.

— Я прекрасно понимаю, что ты делаешь! — Дариан шагнул к лестнице, и его голос сорвался от сдерживаемой ярости. — Ты превращаешь живых магов в проводники для своего механизма. Если продолжишь, они могут погибнуть!

Ориан наконец повернулся к сыну. В его лице не было ни удивления, ни раскаяния — только усталое раздражение, будто Дариан вновь нарушил порядок на военном совете.

— Всякая великая власть требует цены, — произнёс король, чуть приподняв подбородок. — Ты слишком долго смотрел на мир глазами солдата. Король обязан видеть дальше отдельных жизней.

— А ты настолько привык смотреть сверху, что перестал замечать людей под ногами, — бросил Дариан с горьким презрением. — Я не стану называть это величием.

Я попыталась сделать шаг к ближайшей колонне, но ноги подкосились. Реннар успел подхватить меня под локоть.

— Даже не думай падать, капитан, — процедил он, с тревогой вглядываясь в моё лицо. — Я слишком много сил потратил, чтобы довести тебя до столицы живой, и не собираюсь объяснять твоему отряду, почему потерял тебя в подвале королевского дворца.

Я хотела усмехнуться, но боль в запястье превратила попытку в гримасу.

— Трогательная забота, Реннар, — выдохнула я, цепляясь за его руку. — Почти убедительно.

— Не привыкай, — отозвался он, криво улыбнувшись, хотя пальцы на моём локте оставались напряжёнными. — Мне просто не хочется искать нового капитана посреди ночи.

Гул усилился.

Световые нити вытянулись от колонн к центральному механизму. Теперь я видела их не только глазами: каждая была похожа на натянутую струну, по которой текла магия. В центре все потоки сходились в узкий канал, уходящий под пол.

И этот канал тянулся ко мне.

Я поняла это не умом — телом. Сердце ударило один раз, другой, и каждый удар отзывался в механизме. Стоило мне отступить, как свет дрогнул. Стоило остановиться, как он снова выравнивался.

— Дариан, — позвала я, стараясь перекричать грохот. — Он не просто использует мою магию. Механизм подстраивается под меня. Если я подойду к центру, возможно, смогу найти узел управления.

Дариан резко повернулся. На его лице промелькнуло несколько чувств сразу: понимание, страх и мгновенное, почти болезненное несогласие.

— Нет, — ответил он так быстро, что это прозвучало не как приказ, а как невольная мольба. — Мы найдём другой

способ.

— У нас нет времени искать способ, который тебе понравится, — отрезала я, хотя сама едва удерживалась на ногах. — Посмотри на них. Ещё несколько минут — и механизм заберёт слишком много.

Один из пленников рухнул на колени. Нить над его запястьем вспыхнула белым, и колонна ответила глухим ударом.

Дариан посмотрел на мага, затем на меня. Его челюсть напряглась. Он ненавидел это решение — я видела это по тому, как он сжал кулак, — но не стал тратить время на бесполезный спор.

— Хорошо, — произнёс он наконец, с усилием заставив себя говорить спокойно. — Ты идёшь к центральному узлу. Я освобожу магов и не позволю отцу приблизиться к тебе. Но если почувствуешь, что теряешь контроль, сразу отступаешь. Поняла?

— Если бы ты умел приказывать так, чтобы я слушалась, мы бы давно жили гораздо спокойнее, — ответила я, пытаясь вернуть себе привычную дерзость.

На секунду в его глазах мелькнуло почти нежное выражение. Оно исчезло так быстро, что я могла бы принять его за игру света.

— Я уже понял, насколько безнадёжно это занятие, — сказал он с усталой усмешкой. — И всё же буду пытаться.

Он вытащил меч и направился к лестнице.

— Реннар, — бросил Дариан через плечо, не отрывая взгляда от короля. — Уведи пленников от колонн, как только нити ослабнут. Не перерубай их самовольно: мы не знаем, что произойдёт при резком разрыве.

— Наконец-то разумный приказ, — отозвался Реннар, выпрямляясь и вытаскивая собственный клинок. В голосе у него звучала привычная сухость, но глаза оставались настороженными. — Постараюсь не испортить твою безупречную стратегию.

— Для начала постарайся остаться живым, — бросил Дариан, и в этой резкости слышалась забота, которую он не собирался признавать вслух.

Реннар только коротко кивнул.

Я двинулась к центру зала.

С каждым шагом воздух становился плотнее. Световые нити проходили над головой, скользили по стенам, пересекали каменные плиты. Внутри Сердца вращались семь металлических колец, и каждое было покрыто символами домов.

Я различала их все.

Дракенхольд. Вейрхальд. Эльдрасиль. Сильванор. Нокте-валь. Аурелион. Морвейн.

Но между символами появились новые линии — тонкие, чёрные, похожие на трещины в стекле. Они стекались к центру, образуя знак, которого я прежде не видела.

И всё же я узнала его.

Три чёрные линии, пересечённые тонким кругом.

Тот самый символ из Чёрного ущелья.

Тот, который был выжжен на запястье Безликого.

— Что ты такое? — прошептала я, не понимая, обращаюсь ли к механизму или к чему-то, что скрывалось за ним.

Ответ прозвучал прямо внутри сознания.

Центральный канал. Связь семи источников. Завершение требует носителя.

— Я не соглашалась быть носителем, — выговорила я сквозь зубы. — И не собираюсь становиться частью твоей системы.

Согласие не является условием.

От этих слов по спине пробежал холод.

Я остановилась у основания центрального кольца. На металле не было ни рычагов, ни замков в привычном смысле. Только семь углублений, соединённых тонкими бороздами, и одно пустое место в самом центре.

Моё запястье горело так сильно, что я едва удержалась от крика.

За спиной звякнула сталь.

Дариан уже добрался до галереи. Я увидела, как он отразил удар королевского стражника, оттолкнул его плечом и бросился к пленникам. Он двигался быстро, без лишних жестов, но с каждым шагом его положение становилось опаснее: королевские солдаты не решались атаковать наследника в полную силу, однако и дорогу ему уступать не собирались.

Ориан наблюдал за ним с холодным разочарованием.

— Ты действительно готов поднять оружие против собственного отца? — спросил король, и в его голосе прозвучала почти искренняя обида. — Ради нескольких магов и девушки, которая даже не принадлежит нашему дому?

Дариан остановился. На его скуле темнела свежая ссадина, а дыхание стало тяжёлым, но он смотрел на отца прямо.

— Я поднимаю оружие против человека, который решил, что ему позволено всё, — ответил он с горькой твёрдостью. — А то, что этот человек мой отец, делает происходящее только хуже.

— Ты бросаешь своё наследие ради неё? — Ориан указал на меня, и в этом жесте было столько презрения, будто он говорил не о человеке, а о досадной помехе. — Ты даже не знаешь, что она собой представляет!

Дариан на мгновение посмотрел в мою сторону.

Наши взгляды встретились через весь зал.

Я увидела в его глазах не сомнение. Не расчёт. Не привычную осторожность наследника, который взвешивает каждое слово.

Там было что-то другое.

Что-то, чему я не хотела давать название, потому что название делало бы это настоящим.

— Знаю достаточно, — произнёс он, вновь поворачиваясь к отцу. Его голос стал тише, но от этого каждое слово прозвучало весомее. — Она не позволит тебе превратить чужие жизни в плату за корону. И я не позволю тебе заставить её

платить собой.

— Ты говоришь так, будто она тебе дороже короны, — усмехнулся Ориан, и в этой усмешке мелькнуло презрение человека, уверенного, что нашёл слабое место противника.

Дариан не ответил сразу.

Я снова повернулась к механизму, но его молчание услышала даже сквозь грохот. Оно длилось всего несколько секунд — и всё же в нём было больше правды, чем в любых клятвах.

Потом Дариан заговорил.

— Она дороже.

Всего два слова.

Без оправданий. Без попытки смягчить смысл. Без взгляда на отца, чтобы проверить, какое впечатление они произвели.

У меня перехватило дыхание.

Я так долго привыкала видеть в Дариане человека, который прячет каждое чувство за холодной логикой, что не сразу поняла: он только что сказал это вслух. При всех. Перед королём, перед солдатами, перед человеком, от которого зависело его будущее.

Ориан побледнел от ярости.

— Тогда ты сам выбрал свою участь, — процедил он, поднимая руку. — Стража! Не подпускать его к механизму. Носителя довести до центра любой ценой!

Солдаты двинулись одновременно.

— Дариан! — крикнула я, и в моём голосе прорвалась тревога, которую я уже не могла скрыть. — Не пытайся остановить их всех! Освободи магов!

Он услышал. Я увидела это по короткому движению его головы. Вместо того чтобы броситься на стражников, он развернулся к ближайшей колонне и ударил мечом по металлическому зажиму, удерживавшему световую нить.

На этот раз он не рубил наугад: нашёл крепление, которое не было частью центрального кольца.

Зажим разлетелся.

Нить погасла, и один из магов обмяк, падая на каменный пол. Реннар успел подхватить его и оттащить от колонны.

— Одного освободил! — крикнул Реннар, с трудом удерживая мага на ногах. В его голосе звучало напряжение, но и надежда. — Если остальные крепления устроены так же, у нас ещё есть шанс!

— Не трогайте центральные борозды! — крикнула я, чувствуя, как механизм болезненно отзывается на каждый разрыв. — Только внешние зажимы!

— Услышал! — отозвался Дариан, и его голос прозвучал уверенно, хотя стражник уже заносил над ним меч.

Дариан уклонился, ударил противника рукоятью в грудь и выбил оружие из его руки. Второго он оттолкнул к перилам, не давая тому упасть с галереи.

Но король не собирался позволять нам выиграть время.

Ориан опустил ладонь на каменный выступ рядом с собой.

Семь колонн вспыхнули одновременно.

Свет ударил в центр зала, и меня резко потянуло вперёд. Я вцепилась в край кольца, но пальцы соскользнули по гладкому металлу. Чёрная отметина на запястье раскрылась тонкими линиями, которые поползли вверх по руке.

Боль стала невыносимой.

Я упала на одно колено.

— Сильварин! — Дариан бросил меч и рванулся ко мне, забыв о стражниках. Его крик прозвучал так отчаянно, что у меня на мгновение сжалось сердце сильнее, чем от магии. — Держись! Я иду!

— Не подходи! — выдохнула я, пытаясь поднять голову. — Если канал замкнётся через тебя, он заберёт и твою магию!

Он замер на полушаге.

Я знала, что он хотел возразить. Видела это по напряжённым плечам, по рукам, сжавшимся в кулаки, по ярости, с которой он смотрел на расстояние между нами.

Но он остался на месте.

И в этот миг я поняла, насколько сильно ему пришлось себя удерживать.

— Тогда скажи, что мне делать! — крикнул он, и за яростью в его голосе слышался страх, который он больше не пытался скрыть. — Только не проси меня стоять здесь и смотреть, как оно тебя убивает!

Я заставила себя подняться. Камень под ладонью дрожал.

Перед глазами расплывались кольца, а внутри головы звучал безликий голос механизма.

Носитель должен занять центральное место.

Я посмотрела на пустое углубление в центре кольца.

Вот оно.

Не рычаг. Не замок. Место для человека.

Для меня.

— Мне нужно войти внутрь, — сказала я, с трудом выговаривая слова. — В центр механизма. Оттуда я смогу добраться до канала и попытаться разомкнуть его.

Дариан побледнел ещё сильнее.

— Ты не знаешь, что произойдёт, — произнёс он, и теперь в его голосе не осталось ни командирской твёрдости, ни привычной насмешки. Только страх за меня. — Ты сама сказала, что механизм может забрать твою магию. Если ты войдёшь туда, обратного пути может не быть.

— Я знаю, — ответила я, стараясь удержать его взгляд, хотя от боли хотелось закрыть глаза. — Но если я ничего не сделаю, он заберёт магию у всех семи домов. Возможно, навсегда.

— Должен быть другой путь, — выдохнул он, и его пальцы дрогнули, когда он потянулся ко мне, но остановил руку, не решаясь коснуться отметины.

— Если найдёшь его за следующие тридцать секунд, я с удовольствием воспользуюсь, — сказала я с кривой улыбкой, в которой было куда больше отчаяния, чем веселья.

Дариан коротко выдохнул, почти беззвучно. На миг его лицо смягчилось, но затем он шагнул ближе — настолько, насколько позволяла граница светового потока.

— Сильварин, послушай меня, — произнёс он тихо, и каждое слово давалось ему с видимым усилием. — Я не хочу, чтобы ты думала, будто я сейчас говорю это из страха потерять союзника. Или потому, что ты нужна мне для остановки ритуала. Всё гораздо хуже.

Я замерла.

Даже гул механизма будто отступил на мгновение.

Дариан провёл рукой по лицу, оставляя на коже тонкую полоску пыли. Он выглядел так, словно сражение, королевский приказ и угроза смерти были для него проще, чем следующие несколько слов.

— Я пытался убедить себя, что ты просто человек, с которым мне придётся работать, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. В его голосе звучала горькая самоирония. — Потом решил, что это раздражение. Что мне не нравится твоя привычка спорить, лезть туда, куда нельзя, и смотреть на меня так, будто ты уже знаешь все мои слабости.

— У меня пока не все, — прошептала я, не понимая, почему именно сейчас мне захотелось улыбнуться.

— Поверь, ты обнаружила больше, чем я собирался показывать, — ответил он с невесёлой усмешкой. Затем его лицо стало серьёзным. — Я злился на тебя, потому что боялся за тебя. Я искал тебя после ущелья, потому что не мог думать

ни о чём другом. И каждый раз, когда ты оказывалась рядом, я убеждал себя, что ещё успею сказать правду позже.

Он сделал паузу. Его взгляд не дрогнул, но в этой неподвижности чувствовалось напряжение человека, который наконец перестал бороться с самим собой.

— Позже больше не будет, — произнёс он почти шёпотом. — Поэтому я скажу сейчас, пока ещё могу.

У меня пересохло во рту.

— Дариан…

— Я люблю тебя, Сильварин, — сказал он.

Не громко. Не красиво. Не так, как произносят слова в залах, где за признанием следуют музыка и обещания.

Он сказал это хрипло, с надломом в голосе, будто каждое слово вырывалось из него вопреки всей его выдержке. И не отвёл взгляда — даже когда увидел, как сильно эти слова меня потрясли.

— Я люблю тебя, — повторил он уже увереннее, словно решил, что не позволит страху испортить признание. — И я не прошу тебя отвечать мне тем же. Не прошу выбирать меня вместо своего долга. Я просто больше не хочу лгать тебе о единственном, в чём наконец перестал сомневаться.

Я не сразу нашла, что сказать.

Всю жизнь я умела отвечать на угрозы. На приказы. На обвинения. Я знала, как держать клинок, как распознать засаду, как спрятать страх за холодной улыбкой.

Но на признание Дариана у меня не нашлось ни одного

заранее приготовленного ответа.

Потому что я верила ему.

И именно это пугало сильнее всего.

— Ты выбрал ужасное время, чтобы сказать мне такое, — выдохнула я, пытаясь удержать голос ровным. Но он всё равно дрогнул, выдав то, что я отчаянно пыталась скрыть.

Дариан печально улыбнулся.

— Знаю, — ответил он, и в его улыбке было столько нежности, что мне захотелось отвернуться. — Я собирался выбрать более подходящий момент. Желательно без короля-тирана, древнего механизма и смертельной угрозы. Но, как выяснилось, я плохо распоряжаюсь временем.

Я невольно рассмеялась — коротко, почти болезненно. Смех тут же оборвался, когда очередная волна магии прошла через зал.

— Я не могу обещать тебе ничего сейчас, — сказала я, глядя на него с отчаянной честностью. — Не могу обещать, что после этой ночи мы вообще останемся прежними. И не могу позволить твоим чувствам стать причиной, по которой ты рискнёшь всем ради меня.

Дариан кивнул. В его лице промелькнула боль, но он не попытался заставить меня сказать больше.

— Тогда не обещай, — ответил он мягко, с той редкой открытостью, которую я никогда прежде в нём не видела. — Просто вернись. А всё остальное мы решим, если нам обоим повезёт пережить эту ночь.

Эти слова ударили сильнее самого признания.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что тоже чувствую нечто, чему давно не решалась дать имя. Что его присутствие стало для меня важнее, чем должно было. Что мысль о его гибели заставляет меня терять самообладание.

Но я не могла позволить себе произнести это сейчас.

Не потому, что не доверяла ему.

Потому, что если скажу вслух, то, возможно, не смогу заставить себя сделать следующий шаг.

Я протянула руку и на секунду коснулась его пальцев.

— Тогда дождись меня, — прошептала я, сжав его руку чуть крепче, чем собиралась. — И постарайся не разрушить дворец, пока меня не будет.

Дариан накрыл мои пальцы своими. Его прикосновение было осторожным, почти невесомым, но в глазах вспыхнула решимость.

— Ничего не обещаю, — ответил он с тихой улыбкой, за которой скрывалось всё ещё не ушедшее отчаяние. — Особенно если твой король решит снова испытать моё терпение.

Я отпустила его руку.

И шагнула к центру.

Механизм отозвался мгновенно.

Семь колец разошлись, открывая узкое пространство внутри. Световые нити поднялись над металлом, образуя арку. Из глубины донёсся низкий звук — не гул и не скрежет, а словно далёкий вдох чего-то огромного.

Я переступила через край.

В ту же секунду весь зал исчез.

Не физически — я ещё слышала крики, звон оружия, голос Дариана, звавшего меня по имени. Но перед глазами возникло другое пространство: бесконечная тьма, пересечённая семью световыми дорогами.

Каждая дорога уходила вдаль, к своему источнику.

В самом центре висела корона из чёрного металла.

Её обод был расколот в семи местах, а между трещинами двигались тонкие огненные жилы. Она не лежала на пьедестале и не покоилась на голове короля. Она висела в пустоте, словно ждала того, кто согласится принять её вес.

Я почувствовала, как механизм тянет меня к ней.

— Нет, — прошептала я, пытаясь удержаться на месте. — Я пришла не за короной.

Ответ возник внутри меня беззвучно, но отчётливо.

Ты пришла завершить соединение.

— Я пришла остановить тебя.

Остановить соединение возможно только изнутри.

Я посмотрела на семь дорог. Теперь я понимала, почему отметина отзывалась на каждую колонну. Почему механизм подстраивался под мой пульс. Почему именно меня он назвал носителем.

Я была не ключом в привычном смысле.

Я была точкой, через которую он мог соединить все семь источников.

И если бы я позволила ему завершить работу, Ориан получил бы власть, о которой мечтал.

Но если бы я разомкнула центральный канал неправильно, вся накопленная энергия могла ударить по мне и уничтожить всё, что находилось под дворцом.

— Значит, мне нужно найти способ направить поток в другое место, — сказала я, заставляя себя думать сквозь боль. — Не разорвать его, а изменить путь.

Нестандартный путь не предусмотрен.

— Тогда тебе придётся научиться чему-то новому, — процедила я, сжимая пальцы. — Как и всем остальным.

Вдалеке вспыхнула седьмая дорога — Дракенхольд. За ней начали загораться остальные шесть.

А в центре корона медленно повернулась ко мне.

Я почувствовала, как что-то коснулось моего сознания. Не голос механизма. Не чужая магия.

Чьё-то присутствие.

И прежде чем я успела отступить, из тьмы прозвучали слова, от которых кровь застыла в жилах:

— Наконец-то. Я ждал, когда ты доберёшься до Сердца.

Я не знала этого голоса.

Но отметина на моём запястье погасла, словно узнала говорившего.

А семь дорог одновременно обратились в пепел.

Глава шестая. Цена наследия

— Наконец-то. Я ждал, когда ты доберёшься до Сердца.

Голос раздался из темноты, и я резко обернулась.

Передо мной стоял мужчина в длинном тёмном плаще. Его лицо скрывала тень, но на груди я различила знак семи домов, перечёркнутый тонкой серебряной линией. Он выглядел настоящим — слишком настоящим для места, в котором не существовало ни пола, ни стен, ни неба.

Я отступила на шаг, чувствуя, как магия под кожей отзывается на его присутствие.

— Кто ты такой? — спросила я, стараясь скрыть страх за холодной резкостью. — И почему второй артефакт реагирует на меня так, словно знает меня?

Мужчина чуть склонил голову. В его движении было что-то старомодное, почти церемониальное, но голос звучал устало.

— Потому что он помнит то, о чём ваши короли предпочли забыть. Семь артефактов появились задолго до того, как Ориан взошёл на престол. Их создали первые маги великих домов, когда Эйрдаль едва не погиб в войне, которую сами же маги и развязали.

— Создали из чего? — Я сделала шаг к нему, стараясь не показывать, как сильно дрожат пальцы. — И зачем понадобилось семь реликвий, если каждая из них способна причи-

нить столько вреда?

— Из осколков древнего источника, который позднее назвали Сердцем Семи, — ответил мужчина. — Первые маги не могли уничтожить его и не умели управлять его силой. Поэтому они разделили её на семь частей и создали семь реликвий — по одной для каждого великого дома. Каждая удерживала часть древней магии и не позволяла ей бесконтрольно поглощать остальные силы.

Я нахмурилась, пытаясь связать его слова с тем, что видела в зале.

— Значит, артефакты создали, чтобы остановить войну?

— Чтобы не дать ей повториться, — поправил он, и в его голосе прозвучала горечь. — Они не предназначались для короны. Первые маги понимали: если собрать все семь реликвий вместе и заставить их подчиниться одному человеку, он получит власть над магией всех домов. Поэтому артефакты разделили и спрятали в разных местах Эйрдала. Первый оказался в Чёрном ущелье. Второй Ориан обнаружил здесь, под дворцом.

— А Сердце Семи? — Я нахмурилась ещё сильнее. — Если артефактов семь, что тогда находится под дворцом?

— Само Сердце — не одна из семи реликвий, — ответил мужчина, внимательно следя за моей реакцией. — Это древнее хранилище силы, из которой первые маги создали артефакты. Они оставили его под дворцом, чтобы оно поддерживало равновесие между магией домов. Но Ориан превратил

место, созданное для сохранения равновесия, в орудие подчинения.

Теперь всё складывалось в единую картину — и от этого мне стало не легче, а страшнее.

— Значит, он нашёл второй артефакт и встроил его в Сердце.

— Да. В Чёрном ущелье вы столкнулись с первой реликвией. Здесь находится вторая. Остальные пять до сих пор не собраны. Однако Ориан уже заставил дворцовое Сердце пробудиться и связать две реликвии. Теперь он пытается обратить древнее заклятие вспять: не разделить магию, а подчинить её единой короне.

— А когда он соберёт все семь? — спросила я, чувствуя, как холод постепенно пробирается под кожу.

Мужчина помрачнел.

— Тогда корона сможет направлять магию всех великих домов через одного носителя. Ориан получит возможность усиливать тех, кому доверяет, и подавлять тех, кто откажется ему подчиняться. Ни один дом не сможет противостоять ему на равных.

— И он называет это объединением Эйрдала, — произнесла я с горьким презрением. — Как удобно. Сначала лишить всех возможности сопротивляться, а потом объявить, что они наконец обрели единство.

— Тираны редко называют свои поступки настоящими именами, — тихо ответил мужчина. — Иначе им пришлось

бы признать, кем они стали.

Я посмотрела на чёрные линии, опоясывавшие моё запястье. Отметина пульсировала в такт далёкому гулу, словно под кожей билось чужое сердце.

— Тогда почему я? — спросила я, уже не пытаясь скрыть тревогу. — Почему первая реликвия отозвалась на меня, а вторая теперь тянет из меня магию? Я не создавала эти артефакты и никогда не искала их.

— Этого я не знаю, — ответил он после короткой паузы. — И не стану лгать, будто знаю. Но древние записи упоминают, что при создании реликвий магия Дракенхольда сыграла особую роль. Возможно, в твоём даре сохранилась связь с теми, кто участвовал в их создании. Возможно, причина глубже. Само Сердце распознало в тебе нечто, чего не обнаружило в других.

— Прекрасно, — выдохнула я, чувствуя, как злость помогает удержаться на ногах. — Значит, никто не знает, почему я оказалась втянута в это безумие, зато все готовы использовать меня как удобный ключ.

Мужчина посмотрел на меня с неожиданным уважением.

— Теперь я понимаю, почему оно выбрало тебя.

— Не надо, — резко оборвала я его. — Я не просила меня выбирать. И если ты собираешься снова говорить загадками, лучше помолчи.

На его лице мелькнула усталая улыбка.

— Хорошо. Ты права. Я слишком долго привыкал гово-

рить с теми, кто боялся задавать вопросы.

Тьма вокруг нас дрогнула.

Я услышала голос Дариана — приглушённый, словно он доносился сквозь толщу воды.

— Сильварин! Ты меня слышишь?!

Я повернулась на звук, но передо мной ничего не было, кроме семи световых дорог.

— Дариан! — крикнула я, и собственный голос прозвучал непривычно слабо. — Я здесь!

Мужчина покачал головой.

— Не трать силы. Ты находишься внутри отклика второго артефакта. Внешний мир ещё рядом, но связь постепенно вытесняет всё остальное. Чем дольше ты остаёшься здесь, тем сложнее будет вернуться.

— Тогда скажи, как мне выбраться! — потребовала я, чувствуя, как страх уступает место злости. — Если ты знаешь, что происходит, не стой передо мной и не наблюдай!

— Найди центральный узел и измени направление потока. Не разрывай его: накопленная сила ударит по тебе и по всем, кто подключён к колоннам. Направь её в древние основания дворца. Они старше короны и способны принять часть нагрузки.

— А если не способны? — резко спросила я, не скрывая возмущения. — Ты предлагаешь мне рискнуть жизнью, потому что у тебя нет гарантии?

— Гарантии нет, — ответил он без попытки смягчить

правду. — Но если ты ничего не сделаешь, Ориан завершит соединение. Тогда у тебя не останется даже возможности выбора.

Я хотела задать следующий вопрос, но тьма внезапно сжалась вокруг меня.

Световые дороги вспыхнули. На каждой я увидела корону — одну и ту же, но всякий раз немного иную. На первой она была расколота. На второй покрыта чёрными линиями. На третьей пылала изнутри.

Седьмая оставалась пустой.

— Что это? — выдохнула я, не в силах отвести взгляд.

Мужчина посмотрел туда, куда смотрела я, и впервые потерял спокойствие.

— Возможные исходы, — ответил он напряжённо. — Не смотри на них слишком долго. Сердце показывает не предрешённое будущее, а то, что может случиться, если магия пойдёт по одному из этих путей.

— Кто ты? — повторила я, уже почти крича. — Ты знаешь происхождение артефактов. Знаешь, почему они связаны со мной. И явно знаешь больше, чем говоришь. Назови своё имя!

Он открыл рот, но голос Дариана раздался снова — теперь гораздо ближе.

— Сильварин! Если ты слышишь меня, ответь!

Мужчина резко повернулся к звуку.

— Он удерживает связь с тобой, — произнёс он с удив-

лением. — Даже сейчас, когда второй артефакт пытается замкнуть древнее заклятие через тебя.

— Это Дариан, — ответила я, и в голосе невольно появилась теплота. — Он не бросит меня.

— Вот это и может тебя спасти, — тихо сказал мужчина.

— Ты говоришь так, будто магия способна удержать человека на границе жизни и смерти.

— Не магия, — ответил он, и его голос стал неожиданно печальным. — Человек, которому ты небезразлична.

Я не успела спросить, что он имел в виду.

Пространство раскололось.

***

Я рухнула на каменный пол, задыхаясь так, словно меня только что вытащили из ледяной воды.

Первым, что я почувствовала, были руки Дариана. Он удерживал меня за плечи, а его лицо оказалось совсем близко. На нём застыло выражение, которого я никогда прежде не видела: страх без привычной маски самообладания.

— Сильварин! — выдохнул он, с отчаянием вглядываясь в мои глаза. — Посмотри на меня. Слышишь? Скажи хоть что-нибудь!

Я попыталась вдохнуть глубже, но грудь сдавило. Дариан тут же ослабил хватку, испугавшись, что причиняет мне боль.

— Я слышу тебя, — прошептала я. — Только не кричи. У меня голова раскалывается.

Он на секунду закрыл глаза, и напряжение в его лице сменилось таким явным облегчением, что мне стало неловко за собственную слабость.

— Прости, — сказал он хрипло. — Я уже решил, что потерял тебя.

— Рано радуешься, наследник, — попыталась я усмехнуться, хотя губы дрожали. — Я ещё не закончила портить тебе жизнь.

Дариан коротко, почти неверяще рассмеялся. Затем осторожно помог мне подняться, не убирая руки с моей спины.

— Если ты продолжишь так шутить, я однажды действительно поседею, — пробормотал он, и в его голосе смешались облегчение и остаточный страх.

— Тебе пойдёт, — выдохнула я. — Добавит солидности.

— А тебе, как я вижу, добавит сил спорить со мной даже на грани обморока.

— Это врождённый талант.

Мы на мгновение замолчали. Между нами оставалось слишком мало расстояния, и я всё ещё чувствовала тепло его руки. Но вокруг продолжал грохотать механизм, а король стоял на галерее, наблюдая за нами с выражением холодного раздражения.

— Как трогательно, — произнёс Ориан, и его голос разрезал зал, заставив солдат невольно выпрямиться. — Наследник престола забыл о долге ради девушки, которая даже не способна удержать себя на ногах.

Дариан медленно повернул голову.

Его рука осталась на моей спине, но лицо изменилось. Вся нежность исчезла, уступив место ледяной ярости.

— Если ты закончил оценивать чужую слабость, отец, предлагаю тебе посмотреть на собственные достижения, — сказал он, указывая на освобождённого мага, которого Реннар поддерживал у колонны. — Один из твоих людей едва не умер ради твоего эксперимента. Ты называешь это защитой королевства?

Ориан спустился на несколько ступеней. Его плащ скользнул по камню, а стражники расступились, не поднимая глаз.

— Я называю это необходимостью, — ответил он с пугающим спокойствием. — Королевство не может держаться на жалости. Оно держится на порядке, а порядок требует подчинения.

— Подчинения тебе, — уточнил Дариан, и его голос стал жёстче. — Не закону. Не короне. Тебе лично.

В зале стало тихо.

Ориан остановился. На его лице не дрогнул ни один мускул, но глаза потемнели.

— Ты забываешь, с кем разговариваешь, — произнёс он негромко, и в этой тишине угроза прозвучала особенно отчётливо.

— Нет, отец. Впервые за много лет я наконец помню, — ответил Дариан, расправляя плечи. — Я разговариваю с человеком, который научил меня держать меч, а затем потре-

бовал направлять его на тех, кто отказывается ему кланяться.

Король спустился ещё на одну ступень.

— Я сделал тебя наследником, — произнёс он негромко, и от этой сдержанности слова прозвучали как угроза. — Я дал тебе армию, имя и право однажды править семью домами. Всё, что ты имеешь, ты получил благодаря мне.

— Ты дал мне положение, — возразил Дариан, и в его голосе слышалась давно накопленная горечь. — Но ты никогда не давал мне права выбирать. Когда я возражал, ты называл меня неблагодарным. Когда отказывался исполнять жестокий приказ, лишал моих людей снабжения и отправлял их на самые опасные рубежи. Ты карал не только меня. Ты всегда находил способ заставить платить тех, кого я пытался защитить.

Я посмотрела на Дариана.

Он никогда не рассказывал мне об этом. И теперь, когда слова наконец прозвучали, я поняла, что за его сдержанностью скрывалось не только воспитание наследника, но и годы борьбы с человеком, которого невозможно было победить открытым неповиновением.

Ориан не повысил голоса.

— Потому что командир, неспособный подчиниться приказу, подвергает опасности всех, кто находится под его командованием, — произнёс он, обращаясь к сыну так, словно перед ним стоял провинившийся офицер. — Ты хотел быть

милосердным. Я учил тебя быть полезным.

— Нет. Ты учил меня бояться тебя, — ответил Дариан. Его голос дрогнул лишь на последнем слове, но он не отвёл взгляда. — И долгое время я принимал этот страх за уважение.

Ориан замер.

Впервые за всё время я увидела, что слова сына действительно задели его. Не ранили — Ориан не позволил бы себе такой роскоши. Но они нарушили уверенность, с которой он привык управлять каждым разговором.

И тогда король сделал то, что умел лучше всего: превратил личное поражение в приказ.

— Капитан дворцовой стражи! — позвал он, не отводя глаз от Дариана.

Из-за колонны вышел высокий мужчина в чёрных доспехах. Он опустился на одно колено.

— Ваше Величество.

— С этого мгновения Дариан Вейрхальд отстранён от командования королевскими войсками, — произнёс Ориан отчётливо, чтобы каждое слово услышали все присутствующие. — Его оружие и военная печать подлежат изъятию. До завершения испытания он находится под стражей за прямое неповиновение королевскому приказу и вмешательство в государственный ритуал.

У меня похолодело внутри.

Дариан даже не шелохнулся. Только его пальцы медленно

сжались в кулак.

— Ты собираешься арестовать собственного наследника? — спросил он, и в его голосе прозвучало недоверие, быстро сменившееся презрением. — Или тебе нужно, чтобы весь двор увидел, как ты расправляешься с единственным человеком, который осмелился сказать тебе правду?

— Мне нужно, чтобы двор увидел последствия измены, — ответил Ориан без малейшего колебания. — А наследник ты лишь до тех пор, пока соответствуешь своему предназначению.

Король повернулся к капитану стражи.

— Если он сопротивляется, считайте это подтверждением его вины. Применяйте силу.

— Ты не посмеешь, — процедил Дариан, и в его голосе впервые прозвучала настоящая угроза. — Не после всего, что я сделал для этой короны.

Ориан посмотрел на него с холодным сожалением.

— Именно поэтому я и знаю, что ты опасен. Ты слишком хорошо умеешь заставлять людей верить в тебя. И если я позволю тебе продолжать, однажды они предпочтут твою волю моей.

Я почувствовала, как Дариан напрягся рядом со мной.

Теперь стало ясно: король боялся не того, что сын окажется слабым правителем. Он боялся, что Дариан окажется другим правителем — и люди захотят последовать за ним.

— Значит, дело никогда не было в моём долге, — тихо

сказал Дариан, и его голос наполнился горьким пониманием. — Ты хотел не наследника. Ты хотел продолжение себя.

Ориан не ответил.

Его молчание оказалось красноречивее любого признания.

Двое стражников двинулись к Дариану.

Я шагнула вперёд, но он мгновенно перехватил мою руку.

— Не вмешивайся, — произнёс он тихо, не глядя на меня. В его голосе звучала просьба, почти умоляющая, и от этого мне захотелось вырваться ещё сильнее. — Если ты нападёшь на стражу, отец получит повод объявить тебя врагом короны.

— Он и без того собирается использовать меня, — прошипела я, глядя на него с яростью. — Я не собираюсь стоять и смотреть, как тебя лишают всего из-за того, что ты отказался стать таким, как он.

Дариан повернулся ко мне. В его взгляде было столько нежности, что она казалась почти неуместной среди оружия и угроз.

— Ты уже сделала достаточно, — сказал он тихо. — Теперь позволь мне самому выбрать, за что я готов заплатить.

— Это не значит, что я позволю тебе погибнуть, — отрезала я, сжимая его пальцы. — Не смей решать за меня, что я могу вынести.

На мгновение в его глазах мелькнуло удивление. Затем он медленно кивнул.

— Хорошо, — ответил он с едва заметной улыбкой. —

Тогда постарайся не погибнуть первой. Я предпочёл бы спорить с тобой лично.

Он отпустил мою руку и шагнул навстречу стражникам.

Но прежде чем они успели коснуться его, весь зал содрогнулся.

Сердце Семи издало глубокий удар. Световые нити натянулись, и корона на галерее Ориана — тонкая золотая диадема с семью пустыми гнёздами — вспыхнула изнутри.

Король резко обернулся.

— Что происходит? — рявкнул он, и впервые за вечер его голос потерял привычную уверенность.

Один из придворных магов бросился к колонне, но отшатнулся, едва коснулся её поверхности.

— Ваше Величество, вторая реликвия больше не подчиняется заданному заклятию! — выкрикнул он, срываясь на испуганный шёпот. — Сердце не принимает магию так, как вы приказали!

Ориан перевёл взгляд на меня.

Теперь в его глазах не было раздражения.

Только холодный расчёт.

— Значит, носитель всё-таки сопротивляется, — произнёс он, словно уже принял решение. — Уберите наследника. Девушку оставить у Сердца.

— Нет! — Дариан рванулся вперёд, и двое стражников едва удержали его. — Если вы прикоснётесь к ней, я клянусь…

— Ты больше не даёшь клятв от имени короны, — обо-

рвал его Ориан. — Твоё право говорить от её имени закончилось.

Король поднял руку, и солдаты потащили Дариана к выходу из зала.

Он сопротивлялся, но не пытался ударить стражников: слишком хорошо понимал, что любой такой жест станет оправданием для казни.

— Сильварин! — крикнул он, оборачиваясь через плечо. — Не позволяй ему завершить соединение! Что бы ни случилось, не отдавай ему свою магию!

— Дариан! — я рванулась следом, но световая нить обвилась вокруг моего запястья и резко дёрнула назад.

Боль вспыхнула до самого плеча.

Ориан подошёл к краю галереи. Он смотрел на меня сверху вниз, и теперь я видела в нём не просто короля, одержимого властью, а человека, который не остановится, пока не получит желаемое.

— Ты станешь частью моей короны, Сильварин Дракенхольд, — произнёс он негромко, но каждое слово прозвучало как приговор. — Добровольно или нет.

Я стиснула зубы, удерживая его взгляд.

— Тогда тебе придётся сначала сломать меня.

Ориан чуть улыбнулся.

— Именно это мы и выясним.

Он повернулся к магам.

— Начать принудительное соединение. Если носитель не

подчиняется, пусть древняя магия заставит её.

Свет ударил в меня.

Я закричала, а семь дорог в глубине сознания вспыхнули одна за другой. На этот раз они не показывали короны. Они показывали семь тёмных силуэтов, стоящих вокруг пустого трона.

И один из них поднял голову.

Я узнала голос прежде, чем он произнёс моё имя.

— Сильварин, — прошептал незнакомец из глубины второго артефакта. — Если Ориан найдёт остальные пять, даже смерть уже не освободит Эйрдаль от его власти.

Я попыталась разглядеть его лицо, но тьма не позволила.

— Кто ты? — выдохнула я, сражаясь с болью. — И что связывает тебя с этими реликвиями?

— Я был одним из тех, кто должен был остановить это, — ответил он, и в его голосе прозвучала давняя, незаживающая вина. — Но мы сами открыли дверь, которую не сумели закрыть.

— Кто такие «мы»? — потребовала я. — Говори ясно!

Силуэт приблизился. Теперь я видела, что его лицо не скрывала тень. Там, где должны были быть черты, лежала гладкая бледная поверхность. Ни глаз, ни губ — лишь слабые углубления, похожие на следы того, что когда-то было человеческим лицом.

Я отшатнулась.

— Безликие…

— Да, — ответил он. — Когда-то мы были высокими фэйри. Магами и хранителями древних знаний. Мы верили, что сможем соединить магию разных домов в одном живом существе, чтобы навсегда прекратить войны. Первые опыты проводились задолго до рождения Ориана. Они закончились катастрофой.

В его голосе не было ни жалости к себе, ни попытки оправдаться. Только тяжесть признания.

— Мы пытались вместить в одно тело силы, которые не желали подчиняться друг другу. Магия разорвала нашу связь с прежней природой. Мы выжили, но перестали быть теми, кем были. Наши лица исчезли, тела изменились, а чужая магия навсегда осталась внутри нас. Так появились Безликие.

— Значит, вы создали артефакты? — спросила я, стараясь не смотреть на его лицо. — Или вы пытались повторить то, что сделали их создатели?

— Мы пытались использовать их силу, — ответил он с горечью. — Реликвии были созданы, чтобы разделять магию и удерживать равновесие. Мы же захотели доказать, что можем подчинить её одному носителю. Именно наши опыты превратили хранителей в чудовищ, а древнее заклятие едва не разрушило всё, что первые маги пытались защитить.

Теперь я поняла, почему Безликий в Чёрном ущелье знал моё имя и почему он велел передать Дариану, что первый замок открыт. Они не были простыми созданиями, охраняв-

шими древние руины. Они были живым доказательством того, что случается, когда кто-то пытается заставить всю магию мира служить одной воле.

— И Ориан повторяет вашу ошибку, — произнесла я, чувствуя, как страх сменяется холодной яростью. — Только теперь он хочет посадить на трон корону, которая будет управлять всеми семью домами.

— Он повторяет её, но не намерен останавливаться там, где остановились мы, — ответил Безликий. — Мы хотели доказать, что соединение возможно. Ориан хочет сделать его вечным и превратить в орудие власти. Если он соберёт все семь артефактов, он сможет подчинять магию даже после того, как нынешний носитель умрёт.

— Как это остановить?

Безликий посмотрел на меня. Я не могла прочесть выражение его лица, но в его голосе впервые прозвучала надежда.

— Не позволяй короне завершить соединение. Найди остальные реликвии раньше Ориана. И запомни: древняя магия не принадлежит тому, кто сумел её захватить.

— А как мне выбраться отсюда? — спросила я, чувствуя, что пространство снова начинает сжиматься. — Как остановить второй артефакт прямо сейчас?

— Направь его силу к древним основаниям дворца. Ты уже знаешь, что делать. Но поспеши: король начал принудительное соединение, и теперь Сердце будет пытаться подчинить тебя до тех пор, пока ты не сломаешься или не найдёшь

выход.

Свет вспыхнул так ярко, что я зажмурилась.

Последнее, что я услышала, был голос Безликого:

— Ищи седьмую реликвию, Сильварин. Она не там, где её ожидает найти король.

Затем всё исчезло.

Я снова оказалась в каменном зале, прикованная световой нитью к основанию Сердца Семи. Ориан стоял над механизмом, отдавая новые приказы, а за дверями уже слышались шаги стражи, уводившей Дариана.

Я больше не сомневалась в том, что должна сделать.

Остановить ритуал. Найти остальные артефакты раньше короля. И выяснить, почему древняя магия выбрала именно меня.

Но прежде мне нужно было спасти Дариана.

Потому что теперь Ориан лишил его не только командования.

Он собирался лишить его права быть наследником — а возможно, и права жить.

И если король думал, что этим заставит сына покориться, он ещё не понимал, какую ошибку совершил.

Дариан больше не боялся потерять корону.

А я больше не собиралась позволять Ориану решать, кому принадлежит магия Эйрдала.

Глава седьмая. То, что осталось между нами

Дариана уводили по восточной галерее.

Я видела его лишь несколько секунд — между плечами стражников, в дрожащем свете магических факелов. Он не оборачивался. Наверное, понимал: если наши взгляды встретятся, я попытаюсь броситься за ним, а король только этого и ждёт.

Световая нить по-прежнему удерживала моё запястье у основания Сердца Семи. Каждый удар древнего механизма отдавался под кожей тупой болью. Ориан разговаривал с придворными магами, отдавал распоряжения и требовал ускорить соединение, словно перед ним находился не древний источник силы, а упрямый механизм, который нужно заставить работать.

Я должна была думать о том, как выбраться.

О том, как направить магию к основаниям дворца.

О том, как найти остальные реликвии прежде Ориана.

Но перед глазами снова и снова возникало лицо Дариана, когда стражники сомкнули руки на его плечах.

Он не испугался за себя.

Он испугался за меня.

И это было гораздо опаснее любого заклятия.

— Прекрати смотреть на дверь, — бросил Ориан, резко обернувшись ко мне. В его голосе звучало раздражение, но едва заметная усмешка выдавала удовольствие человека, привыкшего наблюдать за чужим бессилием. — Твой наследник больше не сможет тебе помочь.

Я медленно повернула к нему голову.

— Он ваш сын, Ваше Величество, — ответила я с холодной усмешкой, хотя внутри всё сжалось от ярости. — Хотя, судя по тому, как вы с ним обращаетесь, вы сами давно об этом забыли.

На лице короля не дрогнул ни один мускул.

— Ты слишком много говоришь для человека, который находится в моей власти, — произнёс он, приблизившись к Сердцу. Его взгляд скользнул по световой нити на моём запястье, словно он напоминал мне о цепях, которых я не могла коснуться. — Дариан тоже всегда считал, что дерзость способна заменить здравый смысл. Я надеялся, что со временем он повзрослеет.

— А я надеялась, что король хотя бы однажды научится отличать повиновение от уважения, — отрезала я, с трудом сдерживая ярость. — Видимо, мы оба сегодня разочарованы.

Ориан остановился напротив меня. Несколько мгновений он изучал моё лицо, чуть склонив голову, словно решал, стоит ли тратить на меня следующий ответ.

— Ты напоминаешь мне одну девушку, — наконец произнёс он с неожиданной мягкостью, от которой мне стало не

по себе. — Когда-то она тоже верила, что может изменить Дариана.

Я замерла.

— Кто она? — спросила я, невольно подавшись вперёд. В голосе прозвучало напряжение, которое я не успела скрыть. — И что с ней случилось?

Король едва заметно улыбнулся.

— Неважно, — ответил он, с холодным спокойствием отводя взгляд. — Важно то, что Дариан всегда выбирает тех, кого не может спасти.

Он отвернулся, оставив меня с этими словами.

Но теперь я уже не могла думать ни о Сердце, ни о короне.

Потому что впервые кто-то заговорил о Дариане так, будто его чувства начались задолго до нашей встречи в Чёрном ущелье.

И я хотела знать правду.

Не ту, которую король использовал как оружие.

Настоящую.

***

Воспоминание пришло внезапно.

Не моё — его.

Я поняла это по чужому ощущению холода, по запаху мокрого камня и по боли в правой руке, которой у меня никогда не было.

Магия Сердца зацепилась за связь, оставшуюся между мной и Дарианом, и потянула меня сквозь годы.

Я увидела его таким, каким он был задолго до того, как стал мужчиной, способным смотреть королю в глаза без страха.

Ему было двадцать пять.

Мне — двадцать два.

И мы уже ненавидели друг друга.

***

Пять лет назад. Северный плац королевской крепости

— Если вы собираетесь и дальше смотреть на меня так, капитан, я начну подозревать, что вы пришли сюда не тренироваться, а любоваться, — произнёс Дариан, вытирая кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. Он приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло самодовольство, которое мне немедленно захотелось стереть с его лица.

Он стоял напротив меня в тренировочной рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы прилипли ко лбу, на скуле наливался синяк, а в глазах горело такое раздражение, будто сам факт моего присутствия оскорблял его лично.

Я медленно опустила деревянный тренировочный клинок и одарила его самой холодной улыбкой, на какую была способна.

— Не льстите себе, наследник, — ответила я с нарочитой невозмутимостью, хотя его самодовольный вид уже выводил меня из себя. — Я просто пытаюсь понять, как человек с таким самомнением умудряется так плохо держать защиту.

За спиной кто-то из молодых офицеров прыснул со смеху.

Дариан бросил на них короткий взгляд, и смех тут же стих.

— Ещё раз, — потребовал он, возвращая мне мой деревянный клинок. Он произнёс это почти лениво, но пальцы на рукояти сжались крепче, выдавая, насколько сильно его задели мои слова. — И на этот раз попробуйте не рассчитывать на то, что противник будет стоять и ждать, пока вы закончите свою речь.

Я перехватила оружие поудобнее.

— А вы попробуйте не путать командование с привычкой, чтобы все вокруг выполняли ваши желания, — бросила я, глядя ему прямо в глаза. — Возможно, тогда узнаете, что такое настоящая дисциплина.

— Я командую отрядом, — напомнил он, и его голос стал жёстче. — И если вы не заметили, здесь тренируются солдаты, а не участвуют в состязании по остроумию.

— Тогда перестаньте подставлять мне правый бок, — ответила я с вызовом, резко вскинув клинок. — Я уже трижды могла закончить бой.

На этот раз он не улыбнулся.

Дариан атаковал быстро. Я ушла в сторону, отразила удар деревянным клинком и попыталась зайти ему за спину, но он предугадал движение, перехватил моё запястье и выбил оружие из руки.

Деревянный клинок выскользнул из моих пальцев и с глухим стуком прокатился по каменным плитам.

Я замерла, сжав зубы от досады.

— Поздравляю, — процедила я, поднимая на него сердитый взгляд. — Вы наконец победили женщину, которая весит меньше вашего доспеха. Наверняка об этом будут слагать баллады.

Дариан смотрел на меня несколько секунд, будто боролся с желанием ответить тем же.

Затем неожиданно протянул мне руку.

— Вы хорошо дерётесь, капитан, — сказал он уже без насмешки. Его голос стал тише, а взгляд — внимательнее. — Но вы слишком торопитесь доказать, что вас нельзя недооценивать. Из-за этого пропускаете момент, когда противник меняет тактику.

Я посмотрела на его ладонь, потом на лицо.

— А вы слишком привыкли, что люди слушают вас, — ответила я, всё же принимая помощь. Мои пальцы крепко сжали его ладонь, и я тут же отпустила её, не желая показывать, что его неожиданная серьёзность сбила меня с толку. — Из-за этого не замечаете, когда они правы.

— Возможно, — признал он с такой неохотой, что я едва не рассмеялась. В уголке его рта появилась едва заметная улыбка. — Но это не отменяет того, что я выиграл.

— Наслаждайтесь победой, наследник, — бросила я, подбирая с земли клинок. — Она продлится до следующего боя.

— Буду ждать с нетерпением, — ответил он, и в его глазах мелькнуло нечто, чего я тогда не поняла.

Не раздражение.

Интерес.

Я не придала этому значения.

В те годы Дариан был для меня высокомерным наследником, которому слишком часто прощали то, за что любого другого офицера давно отправили бы на границу. А я была для него упрямой капитаншей из Дракенхольда, которая не желала признавать авторитет только потому, что он носил громкое имя.

Мы спорили о тактике, о дисциплине, о том, сколько солдат допустимо потерять ради победы.

И каждый раз расходились с ощущением, что следующий разговор будет ещё хуже предыдущего.

Я ошибалась только в одном.

Следующий разговор действительно оказался хуже.

Потому что тогда я впервые увидела, каким человеком Дариан становился рядом со своим отцом.

***

Пять лет назад. Малый зал военного совета

— Повторите приказ, Ваше Высочество, — потребовал генерал Крейн, нахмурившись так, что между его бровями пролегла глубокая складка. В голосе генерала звучало плохо скрытое недоверие.

Дариан стоял у длинного стола, положив ладони на карту северной границы. На нём был парадный мундир, но воротник расстёгнут, а лицо осунулось от бессонной ночи.

— Отвести третий отряд от перевала до наступления тем-

ноты, — ответил он ровно, хотя пальцы на краю стола побелели от напряжения. — По разведданным, там готовится засада. Я не собираюсь отправлять людей на верную смерть ради того, чтобы удержать бесполезную позицию.

— А я собираюсь, — произнёс Ориан.

Король вошёл в зал без предупреждения. За ним следовали два стражника и советник в серебряной цепи, который тут же опустил глаза.

Дариан выпрямился.

— Отец, разведчики обнаружили… — начал он, стараясь удержать голос в рамках военной сдержанности.

— Я слышал, что обнаружили разведчики, — перебил Ориан, снимая перчатки с выражением скучающего раздражения. — И я слышал, что мой сын решил заменить королевский приказ собственным суждением.

— Потому что приказ приведёт к гибели трёх десятков солдат, — ответил Дариан, и в его голосе впервые проступила едва сдерживаемая злость. — Если мы отведём их сейчас, потери можно избежать.

— А если мы отступим, противник решит, что королевская армия боится собственного отражения, — холодно возразил Ориан. — Иногда людям нужно напомнить, что приказ важнее их личных опасений.

Я стояла у стены, ожидая начала заседания, и чувствовала, как внутри поднимается глухая ярость.

Тридцать солдат.

Для короля — число на карте.

Для нас — люди, с которыми мы делили последние запасы воды, мёрзли в одном лагере и отдавали друг другу последние куски хлеба.

— Ваше Величество, — вмешалась я, не сумев промолчать. Я заставила себя говорить твёрдо, хотя от злости дрожали пальцы. — Разведка подтверждает опасность. Если позволите, я могу вывести третий отряд по нижней дороге. Они успеют уйти до темноты, а перевал останется под наблюдением.

Ориан медленно повернулся ко мне.

— Я не спрашивал мнения капитана Дракенхольд, — произнёс он негромко. В его тоне не было ни крика, ни раздражения — только холодная уверенность человека, который привык, что одного его слова достаточно. — Вы здесь для того, чтобы выполнять приказы.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, но не опустила взгляда.

— Тогда отдайте приказ, который не обречёт ваших людей, — сказала я, сдерживая дрожь в голосе. — Они смогут удержать перевал, если получат подкрепление и припасы. Но оставлять их там без поддержки — не стратегия, а расправа.

В зале стало так тихо, что я услышала, как один из советников нервно сглотнул.

Дариан посмотрел на меня с предупреждением. В его глазах читалось: не продолжай.

Но я уже сказала слишком много.

Ориан медленно сложил перчатки.

— Наследник, — обратился он к сыну, не отводя от меня глаз, — похоже, твои офицеры забыли, кому обязаны своим положением.

— Они обязаны своим положением службе, — ответил Дариан. Он выпрямился ещё сильнее, а в его взгляде появилась твёрдость, которой я прежде не видела. — И пока они служат короне, я обязан учитывать их доклады.

— Ты обязан исполнять мои распоряжения, — отрезал король. — Приказ остаётся в силе. Третий отряд удерживает перевал.

Дариан побледнел, но не отступил.

— Если они погибнут, это будет на вашей совести, — произнёс он глухо, и каждое слово прозвучало как обвинение, которое он больше не мог удерживать внутри.

Ориан приблизился к нему. Между отцом и сыном оставалось всего несколько шагов, но казалось, что их разделяет пропасть.

— Совесть, Дариан, — произнёс король почти ласково, — роскошь тех, кто не несёт ответственности за целое королевство.

Он повернулся к генералу и распорядился отменить дополнительное снабжение лагеря Дариана на северной границе — якобы в наказание за самовольные решения командования.

Я поняла смысл этого приказа сразу.

Король не собирался ограничиваться унижением сына.

Он собирался заставить его заплатить чужими жизнями.

Дариан тоже понял.

— Не трогайте снабжение, — потребовал он, шагнув за отцом. На этот раз в его голосе прорвалась тревога, которую он уже не мог скрыть. — Люди не получат зимних плащей. У них заканчиваются лекарства. Вы не можете использовать их против меня.

— Могу, — спокойно ответил Ориан, даже не замедлив шага. — Потому что это моя армия.

Он вышел из зала, даже не взглянув на сына.

Я осталась у стены, чувствуя, как злость постепенно уступает место тяжёлому, холодному страху.

Дариан долго смотрел на закрывшуюся дверь. Потом медленно снял с пальца перстень с гербом своей семьи и сжал его в кулаке.

— Что вы собираетесь делать? — спросила я тише, подходя к нему. Вся прежняя язвительность исчезла из моего голоса. — Дариан, посмотрите на меня. Что вы собираетесь делать?

Он разжал ладонь. На коже остался красный след от металла.

— Найду деньги на припасы, — ответил он, стараясь говорить спокойно. Но его взгляд выдавал отчаяние, которое он отчаянно пытался спрятать. — Продам то, что смогу.

— Вы не обязаны… — начала я, сама не зная, чем закончить фразу.

— Обязан, — резко перебил он, а затем, заметив моё выражение, тяжело выдохнул и заговорил тише: — Простите. Я не должен срываться на вас.

В его голосе прозвучала такая усталость, что я впервые не нашла язвительного ответа.

— Вы не сможете исправить все решения своего отца, — сказала я, осторожно подбирая слова. — Даже если отдадите ему всё, что у вас есть.

— Я знаю, — ответил он, и на мгновение его лицо стало совершенно открытым. — Но я не позволю солдатам умереть только потому, что он решил преподать мне урок.

Через два дня третий отряд попал под удар.

Семеро не вернулись.

Дариан продал семейный перстень, чтобы купить лекарства, тёплые плащи и еду для оставшихся в живых. Он не рассказал об этом ни совету, ни своим офицерам. Я узнала случайно — от торговца, который принял украшение и потом узнал герб на печатке.

В тот день я перестала считать Дариана просто избалованным наследником.

Я увидела человека, который пытался защитить других от собственного отца, даже когда это стоило ему последнего, что у него оставалось.

***

Четыре года назад. Королевский лазарет

В лазарете пахло сушёными травами, спиртом и кровью. За окнами шёл дождь, а по коридору медленно двигались целители, стараясь не шуметь возле раненых.

Я нашла Дариана у дальней стены. Он сидел на деревянной скамье, опустив голову, и крутил в пальцах пустую цепочку от перстня.

— Вы собираетесь просидеть здесь до утра? — спросила я, остановившись перед ним. Я попыталась придать голосу привычную насмешливость, но тревога всё равно прорвалась наружу. — Или ждёте, когда ваши мысли наконец принесут пользу?

Он поднял глаза. Усталость в них была такой глубокой, что моя приготовленная колкость вдруг показалась жестокой.

— Я пытался сделать всё правильно, — сказал он тихо. Его пальцы сжались вокруг цепочки, а взгляд снова опустился на пол. — И всё равно семеро погибли.

Я села рядом, оставив между нами немного места.

— Вы не отдавали приказ удерживать перевал, — напомнила я мягче, чем собиралась. — Вы пытались их спасти.

— Но я не смог его отменить, — ответил Дариан, стиснув цепочку в кулаке. Он поднял на меня глаза, и в них мелькнуло отчаяние, которое он больше не пытался скрывать. — Я будущий король, Сильварин. Если я не могу защитить тридцать солдат от одного несправедливого приказа, как я соби-

раюсь защищать целое королевство?

Впервые он произнёс это не с гордостью, а с отчаянием.

Я посмотрела на его руки. На пальцах остались тонкие царапины — он, вероятно, сам помогал переносить раненых.

— Возможно, вы не обязаны доказывать, что способны спасти всех, — сказала я после паузы. — Но вы можете решить, каким человеком станете, когда у вас появится власть.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— А если я стану таким же, как он? — спросил он почти шёпотом. Вопрос прозвучал так, будто он боялся услышать ответ сильнее, чем хотел его получить.

Я повернулась к нему всем корпусом.

— Тогда я первая скажу вам об этом, — ответила я твёрдо. — И, поверьте, сделаю это достаточно громко, чтобы услышала вся столица.

Дариан посмотрел на меня, и уголок его губ дрогнул.

— Ни на мгновение не сомневаюсь, — произнёс он с усталой улыбкой. — Вы способны устроить скандал даже на похоронах королевского здравого смысла.

— Только если оно действительно умерло, — парировала я, и на этот раз в моём голосе появилась искренняя теплота.

Несколько секунд мы молчали, слушая дождь.

Потом он произнёс совсем тихо:

— Иногда я всё ещё хочу, чтобы он мной гордился.

Эти слова дались ему нелегко. Я поняла это по тому, как он отвернулся, словно уже сожалел, что позволил мне уви-

деть эту слабость.

— Даже после всего, что он сделал? — спросила я осторожнее, стараясь не задеть то, что он только что доверил мне.

— Особенно после всего, что он сделал, — ответил Дариан, и в его голосе появилась горечь. — Я знаю, каким он бывает. Я знаю, сколько людей пострадало из-за его решений. Но иногда мне достаточно одного взгляда, одного слова одобрения, чтобы снова почувствовать себя мальчишкой, который ждёт похвалы от отца.

Я не стала говорить, что это глупо.

Не стала убеждать его, что он должен перестать чувствовать то, что чувствует.

Вместо этого я осторожно коснулась его плеча.

— Вам не нужно заслуживать право быть хорошим человеком, Дариан, — сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза. — И не нужно становиться похожим на него, чтобы доказать, что вы достойны короны.

Он замер.

Я ощутила, как под моей ладонью напряглись его мышцы, а затем медленно расслабились.

— Почему вы говорите это так, будто уверены во мне больше, чем я сам? — спросил он, повернув ко мне лицо. В его голосе звучало искреннее недоумение, почти беззащитное.

— Потому что я видела, что вы делаете, когда никто не смотрит, — ответила я, не убирая руки с его плеча. — А это

говорит о человеке куда больше, чем его титул.

Дариан долго не отводил взгляда.

Потом едва заметно накрыл мою руку своей.

Он не пытался удержать её.

Не потребовал объяснений.

Просто позволил мне остаться рядом.

И впервые за всё время нашего знакомства между нами не было ни спора, ни желания победить.

Только тишина, в которой мы оба неожиданно почувствовали себя понятыми.

***

Три года назад. Двор внутренних казарм

— Я не собираюсь выдавать дополнительные лошади ради ваших раненых, капитан, — заявил квартирмейстер, сердито захлопнув книгу учёта. Его лицо покраснело от раздражения, а голос приобрёл ту неприятную снисходительность, которой чиновники обычно прикрывают собственную трусость. — Королевский приказ ограничивает расходы, и я не намерен рисковать должностью из-за вашей сентиментальности.

Я положила на стол список имён и прижала его ладонью, не позволяя квартирмейстеру отодвинуть бумагу.

— Это не сентиментальность, — ответила я, сдерживая гнев. — Семеро солдат не могут самостоятельно добраться до крепости. Если мы оставим их в полевом лазарете ещё на ночь, двое могут не пережить дорогу.

— Тогда вам следовало лучше планировать операцию, — отрезал он, демонстративно отводя взгляд к книге. — У меня нет ресурсов на исправление чужих ошибок.

— А у меня нет времени слушать, как вы прячете равнодушие за цифрами! — вспыхнула я, чувствуя, как терпение окончательно заканчивается. Я наклонилась к нему, не позволяя себе отступить ни на шаг. — Вы можете отказать мне, но тогда я лично доложу командованию, кто именно отказался предоставить помощь раненым.

Квартирмейстер побагровел.

— Вы мне угрожаете? — возмутился он, резко поднявшись со стула.

— Я предупреждаю вас о последствиях, — ответила я ледяным тоном. — Разницу можете обдумать по дороге в кабинет генерала.

— Достаточно.

Голос Дариана прозвучал за моей спиной.

Я резко обернулась. Он стоял в дверях, сняв перчатки, и смотрел на квартирмейстера с таким холодным неодобрением, что тот невольно выпрямился.

— Наследник, — выдавил квартирмейстер, торопливо поднимаясь. На его лице появилась подобострастная улыбка. — Я как раз объяснял капитану, что…

— Я слышал, что вы объясняли, — перебил Дариан. Он произнёс это негромко, но в его голосе было столько сдержанной угрозы, что улыбка чиновника мгновенно исчезла.

— И мне крайне неприятно узнавать, что королевские служащие считают помощь раненым необязательной прихотью.

— Но приказ о сокращении расходов… — пробормотал квартирмейстер, беспокойно переводя взгляд с Дариана на меня.

— Я подпишу распоряжение на лошадей, повозки и одеяла, — заявил Дариан, доставая из внутреннего кармана сложенный лист. — И если кто-нибудь попытается остановить перевозку, пусть приходит ко мне лично.

Квартирмейстер открыл рот, но, встретившись с его взглядом, передумал.

— Как прикажете, наследник, — пробормотал он, забирая документы.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулась к Дариану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.